

Фёдор Быханов

Оскал лавины

Пролог

Что ни говори, а знаком любому и каждому, побывавшему в небе, самый тряский на свете лифт, придуманный любителями «не на своих двоих», а с помощью современной техники подниматься вверх.

Он носит, несомненно, одну марку на авиационном языке — вертолет «Ми-8». Этакое пузатое подобие металлической стрекозы, без которой, мало где в горах обойдешься.

Размалеванный, конкретно сейчас, по самые винты пятнами грязно-зеленой камуфляжной краски, вертолет пока никуда не поднимается, а просто стоит на своей «домашней» площадке.

И словно от холода, приносимого с гор, пупырится из-под слоя своего камуфляжа, частыми строчками заклепочных швов крепежа.

По этому виду их щедрого, рассыпанного по всему корпусу многоточия, уже не кажется странным ответ на вопрос: почему не разбалтывается машина под полной нагрузкой еще на заводском выходном контроле?

Знать, надежны аккуратные шляпки заклепок,

соединяющих алюминиевые листы корпуса. Раз терпит все перегрузки конструкция, сотрясаемая выхлопами тружеников внутреннего сгорания — двигателей и мощным вращением штанги ходового вала винта.

И даже, вибрируя как осиновый лист на ветру, стабильно — от начала до конца полета, своим остервенением машина только сулит в любую минуту рассыпаться на куски, но на самом деле держится и несет полагающуюся службу!

Но то — вертолет.

А вот долготерпению его неприхотливых пилотов летный состав воинской части уже не удивляется. Те основательно привыкли за годы службы к тряске и грохоту. Не то, что к остальному.

Например, любого, какого ни возьми, вертолетчика буквально коробит бесцеремонность иных пассажиров. От того и приходится наводить строгость, что называется, на полную катушку, едва найдут малейший повод для насмешек над «клиентами».

Сегодня от души разгулялся на «спиногрызах-нахлебниках» второй пилот — лейтенант Казанцев.

С грозным видом и весьма суровыми речами встретил он у сдвинутой вбок двери пограничный наряд.

— Вытирайте ноги, борт и без того

перегружен, — раздаётся его гневный голос. — Да еще тут вы со своей пудовой грязью на сапожищах.

Эта винтокрылая машина «Ми-8» строгого не в меру лейтенанта — вроде новобранца.

Её совсем недавно перекрасили в армейский камуфляж из аэрофлотовской желто-синей расцветки. Но, несмотря на свой, вполне боевой вид, вертолет так и не сумел окончательно вписаться в свою новую роль глубже, чем его экипаж, имевший в своем составе даже самодеятельного педагога вроде того же самого лейтенанта Казанцева.

В поношенных еще на гражданке — меховых летных куртках, бывшие аэрофлотовцы — сам обладатель двух мелких звёздочек по каждому погону и его командир — капитан Лукашов выглядят вполне бравыми и многоопытными «ассаами».

Но, на деле, только внешне вполне освоились, в совершенно новой для себя, ипостаси. Тогда как за напускной строгостью неумело скрывают прежнюю — вполне мирную сущность.

И все же, именно эти гражданские штафирки, как начальство не раз замечало, летают ничуть не хуже других в подразделении вертолетного полка.

Хотя и такая оценка дорогого стоит.

Ведь дислоцируются они сами ни где-нибудь, а в столь отдаленном порту, куда не только «Макар телят не гонял», но и не так уж часто рискует

добираться само их вертолетное командование. Потому умение управлять тряской винтокрылой машиной чаще всего доказывают лишь пассажирам, недалеко ушедшим в карьерном росте от этих недавних провинциалов.

А ведь с тех пор, как всю эскадрилью перевели сюда на Кавказ из еще большей глухомани — пустынной казахстанской глубинки, прошло достаточно много времени.

Впрочем, его пилоты провели вполне успешно. В основном совершая, как и в прежних «гражданских рейсах» — то грузовые, то пассажирские транспортные перевозки.

А вот теперь хорошо освоили и новую для себя обязанность — несение патрульной службы. О чём готовы они рапортовать без зазрения совести, хоть самому высшему своему командованию.

И еще ни разу не получал серьезных служебных нареканий ни сам экипаж, ни техническое состояние, призванной на военную службу, машины.

— Впрочем, если бы кто и возмутился, что от того? — считает Лукашов. — Как ни крути, а нет здесь иного способа и иных специалистов, чтобы неустанно вести наблюдение сверху — с птичьего, что называется, полета.

Лишь их вертолёт — перекрашенный из гражданского состояния, в военный статус,

выручает. Уже тем, что летает теперь на участке новоявленной границы.

Той, что совсем недавно, без особой демаркации, больше по бумаге карт, протянулась по кавказским хребтам. Между, недавно еще братскими, а теперь — абсолютно суверенными, несмотря на свою временную «безграничность», государствами СНГ.

— Столь суверенными государствами, — сетует экипаж. — Что соседям-пограничникам изо дня в день Всевышнего бы хвалить и не перехвалить за то, что не так уж и много «дыр» существует для нежелательных визитеров со стороны черноморского побережья.

И каждая — обозначенная тем или иным горным перевалом, у них — на строгом учете:

— Постоянно наблюдается экипажами, занятыми облетом госграницы.

— Случайный след? Какая иная примета передвижения людей по снежно-ледовым склонам? Или фигуры на дорогах в небо — каменистых языках морен, оставленных подвижками ледников? — все перемены, случившиеся внизу, тут же оказываются в поле зрения наблюдателей.

Строго по инструкции сообщив на базу о происшествии, патрульный вертолет тогда коршуном падает вниз. Тратя время лишь на розыск приемлемой, для высадки десанта, площадки.

После чего наступает черед братья за свое ремесло уже следопытам из тревожной группы.

— Там же кому больше повезет — бойцам-погранцам или, уходящим от них, нарушителям режима? — и это зависит от судьбы, а вовсе не от простых воздушных извозчиков.

...В нынешнем рейсе, как и в таком же прошлом, график дежурства опять свел у одного «Ми-8» давних приятелей — «полугражданского капитана-вертолетчика Лукашова и молодого «Ваньку-взводного» с погранотряда.

— Здорово, Юра! Опять мой второй пилот с вас стружку снимал? — всё это, в ответ на приветствие, заглянувшего в кабину лейтенанта Верозубова, пробасил Михаил Трофимович.

Подошедший командир был полной противоположностью своего строгого подчиненного офицера. И был готов в любой момент проявить простое человеческое участие.

Вот и теперь не стал рядиться под закоренелого «солдафона».

Заговорил на нормальном человеческом языке, без подспудного руководящего авторитета:

— Только сам не обижайся, лейтенант!

И дальше продолжил в том же духе.

— Да и бойцам своим — пограничникам своим передай от меня — то же самое, — услышал от него командир тревожной группы. — Что

действуют мои ребята ради вашего собственного блага!

Тот улыбнулся с понимающим видом заговорщика:

— Да уж, как водится...

И шеф-пилот тоже непроизвольно растянул в улыбке обветренные губы. Кстати вспомнил он тот день, когда словно черная кошка пробежала между этими двумя лейтенантами.

Вчерашние мальчишки, сегодня напускающие на себя офицерский лоск из-за мелких звездочек на погонях, они будто сами искали повода для ссоры. И, тут как тут, он оказался под рукой.

...Первый их совместный вылет задерживался.

Виной тому было экстренное совещания у командира погранотряда. На грех, еще и машина с дозорной группой пришла на аэродром раньше обычного времени.

Словом, до прихода пилотов винтокрылого борта, пришлось изрядно намерзнуться на свежем ветре, дувшем с гор, пограничники, которых не укрывал от непогоды даже округлый бок, мертвой в ту пору, машины.

И когда появились чумазные механики в засаленных робах, чтобы подготовить «Ми-8» к вылету, лейтенант Верозубов, сам не зная почему, решил поддержать роптание своих людей.

Отыскав в своей саркастической душе едкую подковырку горожанина, бывавшего в деревне лишь на каникулах, он лихо прошелся по сельскохозяйственному ведомству.

Причем, отважился на довольно откровенную прямоту, о которой впоследствии немало жалел, получив неожиданный и должный отпор.

Тогда же, не отличив от чумазой технической obsługi настоящих пилотов, шедших следом в такой же, как и у механиков синей — потертой от времени, униформе, офицер раздраженно, под смех своих людей съязвил:

— И когда же, интересно, изволит полететь этот сарай?!

Ничего другого, хотя бы немного похожего на упомянутое сельскохозяйственное подсобное строение рядом не было. Поэтому волей-неволей авиаторам приходилось принимать откровенное издевательство — на свой счет.

Чем не замедлил воспользоваться лейтенант Михаил Казанцев.

— Когда, говорите, сарай полетит? — задумчиво переспросил он.

И, блеснув из-под меховой офицерской шапки взглядом озорных глаз, выдал ответ, оказавшийся под стать вопросу.

— Вот загоним в него всю скотину, какая есть, — вертолётчик обвёл каждого из

пограничников долгим взглядом. — Пересчитаем по головам.

Он выждал небольшую паузу:

— Тогда и в путь!

Старая избитая авиаторская шутка, оказавшаяся и теперь абсолютно к месту, попала точно в цель.

Теперь уже смеялись и солдаты, и механики, как отметил капитан Лукашов, сохранявший беспристрастное спокойствие.

Это неуставное веселье, однако, вогнало в краску, неосторожного на язык, пограничного офицера. И командир корабля тогда понял, что пора вырывать незнакомого лейтенанта.

Поднявшись первым по приставной лесенке, он откатил дверь и, чтобы не накалять, и без того непростую, обстановку, примирительно предложил:

— Ладно вам, остряки!

Он благожелательно указал рукой:

— Поднимайтесь лучше на борт. Нечего зря мерзнуть.

...Перемирие, хотя и было достигнуто, но всё же, не без новых и новых, выпадов со стороны второго пилота. В отместку он ещё долго изголялся по адресу «зеленых фуражек». Продолжая с меньшим остроумием заниматься этим и спустя довольно продолжительное время.

Вот и теперь, только, лично убедившись, что

солдаты исправно поскребли сапогами по ребристым ступенькам лестницы, Казанцев впустил и их следом за командиром внутрь машины.

Потом задвинул на проем легкую дверцу с круглым стеклом, вделанного в неё, иллюминатора.

...Холостые обороты — самые противные и, абсолютно противопоказанные больным стоматитом и прочей зубной хворобой, сменились, наконец-то, повышенным режимом. И второй пилот, заняв свое место, совсем забыл о недавней распре.

Рядом с Казанцевым — позади штурмана-радиста примостился, перед широким обзорным стеклом фонаря кабины, и его оппонент — лейтенант-пограничник.

Шутки кончились.

Теперь в боевом полете стало не до острот и миролюбивых подначек. Так что, когда оторвались от площадки, лейтенант Верозубов сразу же вооружился мощным биноклем. Правда, скорее сделал это для солидности, а не по делу. Так как в самые первые минуты полета, интересы дозорной службы вовсе не требовали наблюдать сквозь оптику, как проплывают внизу зеленые кроны деревьев, редящих по мере повышения высоты предгорья.

Ну, а что касается тряски, то и к ней, как и к шуточкам Казанцева, пограничник уже

притерпелся. Считая их неизбежным злом:

— Вроде плохой погоды и службы не в столичном округе!

А потому просто следовало исправно выполнять всё «от корочки до корочки» положенное по Уставу.

Так полагает не только он.

Этот свод правил, написанный, как говорят знающие люди, кровью и потом тех, кто погорел на незнании его сути.

Потому сержант и весь остальной личный состав пограничного наряда тоже крайне дисциплинированно уставились вниз на, тряско проплывающую внизу территорию пограничной ответственности, со своих наблюдательных постов.

Расположившись на этих своих местах, так дружно, как, какие-нибудь, там — «Шерочка с Машерочкой», нашедшие фривольный интерес у круглых иллюминаторов основного отсека.

Новичкам — солдатам-первогодкам, даже эта наблюдательская рутина, похоже, в радость. Так и липнут к стеклам. С восторгом наблюдают на то, как зелень альпийских лугов сменяется внизу хаотичными языками каменных марен.

Затем показался ледник с торчащими из белой пелены покровного снега, черными скальными выступами.

— Каждому хочется первым заметить

приметы нарушения границы, — вздыхают солдаты, мечтающие о «краткосрочном отпуске с выездом на Родину».

Хотя основная роль здесь принадлежала не солдатам срочной службы, по сути — профанам в этом деле, а настоящим профессионалам — тем, кто по штатному расписанию сидит в носовой части вертолѐта — перед гнутым триплексом остекления.

Да еще и видеокамеры, вынесенные на наружные крепежные кронштейны, время от времени ворочают своими объективами.

По команде второго пилота они исправно записывают, для последующего разбора на заставе, самые спорные участки местности, что на его взгляд, только добавляет серьезности пограничникам, чувствуящим над собой этот «дамоклов меч» неподкупного электронного контролера.

Такого неподкупного доносчика по своей прямой принадлежности, какой, на самом деле, безошибочно «засечет» любую оплошку. Превратив ее в сущее «должностное преступление». Во что, однако, самим «зеленым фуражкам», до поры, до времени, так не хочется верить.

...Назначенный на сегодня контрольный маршрут облета — короче обычного. Потому, что наступил лавиноопасный сезон. Так что вертолѐту с дозорной группой на борту, нет особой нужды

кружить там, где не только человек, но и, как утверждают специалисты:

— Сам чёрт шею сломит!

«Вертушка» лишь прошлась в отдалении от скал, чтобы для лишней верности убедиться в плотности снежных шапок, нависших над, давным-давно налаженными подходами к перевальным седловинам.

И вновь, но уже без прежнего, как при наборе высоты, остервенения сотрясаясь всем корпусом, патрульный вертолет пошел вниз по ущелью. Туда, где с гораздо большей вероятностью можно было ждать проникновения чужаков.

...Грохот от пролетевшего «Ми-8» долго еще стоит над ущельем.

Перекатываясь многократным эхом от рева двигателей, он напоминает всему живому о нежеланном для них визите, давно улетевшей прочь, железной птицы.

— Пора уже выходить из укрытия под скалой, — знают невольные свидетели его полёта.

Каждому из них так и хочется стянуть с чернобородых лиц марлевые маскировочные повязки. Да только никто из дюжины людей, спрятавшихся от воздушных наблюдателей, не решается сделать это первым.

На каждом из, этих, умело затаившихся в снегу контрабандистов, пока еще не истрепанные и

только что, на подходе к снегам одетые, белоснежные маскхалаты.

Даже автоматные стволы «Калашниковых», что торчат над, круглыми в сборку, капюшонами и те обмотаны бинтами, чтобы не выдало невзначай чернение металла его хозяев пролетевшим наблюдателям с пограничного вертолета.

— А вот теперь пора! — громко сказал, первым, наконец, сдирая с лица маску, старший человек в группе тайных покорителей границы.

Коренастый бородач с хищно изогнутым как у беркута хрящеватым носом и суровым блеском, чуть выпученных от недосыпания, глаз, он одним своим видом внушает уважение и страх подчиненным.

В подтверждении ко всему, только что им сказанному, суровый детина резко махнул рукой, указывая для остальных нужное направление:

— Вперед! Наверх. Да, быстрее!

Дважды повторять приказание не понадобилось.

Цепочка людей, выйдя на снег, хотя и растянулась по ложу ледника, но — довольно быстро, уходила от своего временного пристанища по, присыпанном снежной порошей, камням.

Вытаявшие из тела вечного обитателя здешних мест — ледника они помогают движению, не давая путникам проваливаться. Потом пришлось

ступить и на, сплошь заснеженное, ледовое поле, убелённое сейчас толстым слоем гигантского, пушистого сугроба.

...Не успевший еще покрыться корочкой, подтаявшего на солнце, наста, этот свежий снег похож повадками на живое существо. Будто пена, обволакивает он собой ноги восходителей.

И тем, обутым по-разному, приходится приноравливаться к своей особой тактике движения. Влияет, на которую именно обувь. У одних это — дорогие горные ботинки, так называемые, трикони со стальными шипами по всей подошве. У других — как у их проводника, в обычные туристские «вибрамы». Правда, с прочно привязанными к ним брезентовыми ремнями, остроклювыми «кошками», отштампованными из легкого, но прочного титана.

Первые из отряда, сменяя, время от времени, друг друга, с трудом торят тропу. Делая главную работу. Но не меньше усилий вожак требует и от тех, кто замыкает вереницу.

На лямках из репшура они тащат за собой, собранную из проволочных «усов», хитроумную волокушу. Это сооружение, наподобие колхозной бороны, надежно засыпает снегом, предательски черневшую для наблюдений со «стрекозы», цепочку следов, оставленных в гигантском сугробе их небольшим отрядом.

После чего на, вновь девственно-нетронутым белом полотне ледникового поля уже ничто не выдает передвижение каравана.

... Шли долго, пока не оказались неподалеку от нужного перевала.

Там и самым смелым стало не по себе от вида снежных шапок, угрюмо нависших с соседних вершин.

Лишь один, как ни в чем, ни бывало, двинулся вперед. Это был проводник. Тот, кто до сей поры, шел в самой середине вереницы. Тем самым сэкономил, в отличие от других, собственные силы.

Провожая его, вожак не поспешил на пожелание удачи.

— Давай, Таймураз, лови удачу! — хлопнул его по плечу чернородый. — Иди во славу Аллаха!

Гортанное пожелание успешного завершения дела, искренне прозвучавшее и от других контрабандистов, заставило обернуться к ним того, кого только что сообщники называли Таймуразом.

Простой взгляд, брошенный на его лицо, вызвал произвольный вздох у путников, пока остававшихся под перевалом.

Особенно у тех, кто еще не привык к виду, изувеченного шрамами лица, на котором даже черные солнцезащитные очки не скрывали глубокую впадину на месте одного, глубоко

выжженного огнем, глаза.

На пожелания Таймураз ответил всем вместе. Он просто поднял вверх руку, затянутую в шерстяную перчатку:

— Все будет как надо! Ждите...

Вскоре его, горбатая от объемистого рюкзака, белая фигура исчезла из виду, растворившись в белизне снега, покрывавшего гору от подножия до вершины.

И лишь тогда люди из пешего каравана, оставшиеся под опасным перевалом, занялись нужным делом.

Они, не теряя более времени, принялись интенсивно рыть в глубоком снегу окоп-пещеру. Сооружение, годившееся им, как для временной стоянки, так и в качестве временного укрытия при возможном возвращении воздушного пограничного патруля.

— Сколько раз идем вместе, а все никак не привыкну к шайтану одноглазому! — пробурчал старший, в одиночестве глядя на перевал, куда ушел один из его людей. — Со смертью, видно, побратался!

Его поддержал другой ветеран их походов через границу:

— Не боится идти в самый оскал.

Здрав белый рукав своего маскировочного халата и никуда не торопясь, прикидывая

оставшееся до темноты время, он глянул на циферблат роскошного золотого хронометра...

...Точно также поступил и другой бородач, стоявший на другой — противоположной — черноморской стороне этого горного хребта.

Но гадал тот уже совершенно о другом:

— О том, когда и ему освободят путь. Позволят сойтись с теми, кто зарывался в ту минуту в снежный покров ледника.

Зато этим — другим, не нужно прятаться. Никакими пограничниками в их Причерноморье пока даже и не «пахло». В Республике, отколовшейся от империи, такие как они — контрабандисты вовсе не были, на самом деле, нежелательными персонами.

И даже наоборот — негласно поощрялись за связь с воюющими единоверцами.

Однако следовало тоже принять меры предосторожности.

По приказу вожака, его спутники принялись сгружать на снег пузатые, прикрученные друг на друга в виде мыльниц, снежные грузовые сани — акьи. Полюбившиеся сначала спасателям, а затем и просто любителям зимних походов, на этот раз они исполняли роль иную.

Санями-контейнерами были навьючены десяток приземистых, здешней породы лошадей, с трудом добравшихся до перевала.

Закончив свою операцию по разгрузке каравана, ездовые столь резво погнали животных обратно по своим следам, что очень быстро скрылись из вида. Как сон или призраки исчезли они в ущелье, ведущем из мрачной снежной тишины к морскому теплому побережью.

К городу-курорту с его криками чаек, ярким светом в окнах спальных корпусов. И, конечно же — обязательным ароматом свежего кофе в павильончиках на морской набережной.

Ну а здесь, в высокогорье было не до отдыха.

Далее, выгруженную прямо на камни, поклажу предстояло тащить уже на себе до самого верха перевала.

— Лишь там — на его седловине тюки примут другие носильщики контрабанды, — нисколько не сомневается главный купец из этих приёмщиков недозволенного товара. — Но случится это лишь только после того, как сработает взрывник.

Так что от него — одноглазого проводника Таймураза и зависело сейчас — очистится ли путь наверх от снежных масс, грозящих сейчас спуском лавины?

...В пору развитого туризма и горнолыжного спорта проблемы такой перед восходителями не стояло вовсе.

Пара залпов фугасными снарядами из обычного зенитного орудия легко очищали белую

пену наверху горы.

— В два счета снимали, — по горделивому уверению инструкторов альпинизма. — Всю опасность для путешественников и горнолыжников, инициировав взрывами мощных артиллерийских фугасов сход вниз с вершины тысячетонного сугроба.

И тогда уже никакая лавина не могла бы помешать движению через перевал плановых туристов и альпинистов со здешних турбаз и альплагерей:

— Их, после похода тогда ждали внизу счастливые деньки купания в море, и знакомства с южными пляжами.

Но то — в прошлом...

Теперь за хребтом идет война.

Граница закрыта. А через автомобильные таможенные посты-переходы даже откровенный психопат не сунется перевозить то, чем набиты сейчас до отказа эти самые «пеналы» из, гофрированных продольными полосами, алюминиевых листов.

Такому особому товару один путь — там, где самые внимательные пограничники не ожидают появления чужаков.

...Таймураз шел наверх без остановки.

Торопился как можно быстрее уйти от подножья перевала, пересечь скорее предательские

щели кулуаров:

— Где никак нельзя было спрятаться при возможном возвращении вертолета.

— И такое иногда бывало, — помнит Таймураз. — Когда ставило на грань срыва все им досконально продуманное.

И лишь его, какое-то, чуть ли не волчье чутьё опасности, да запоздалая удача стороной пронесли беду.

Плотно набитый рюкзак за спиной опытного восходителя весит немало, но без него нельзя.

Потому, что хотя и сковывает движения, но заботит его иное:

— Хватило бы груза на осуществление задуманного!

Внимательно глядя единственным глазом на то место, куда, по его опыту, только и следует ставить ногу, Таймураз поочередно, один за другим, врубает ботинки, в образующиеся снежные ступени.

Лишь привязанные на них стальные «кошки» позволяют не скользить на обманчивой поверхности наста, а уверенно идти наверх.

И сегодня — всё как всегда.

Помогает и то, что он хорошо ориентируется в знакомых местах, точно знает каждый метр предполагаемого пути. Глубокий снег, мешавший поначалу — в самом низу, теперь вовсе не в

тягость. Уже не приходится с таким трудом порой вытягивать ноги из пушистого снежного месива, сменившегося плотным настом.

Ещё выше поднявшись в гору, он встретил желанный, куда более крепкий — уже фирновый путь. По нему, цепляясь острыми зубами «кошек», можно было идти совсем легко и уверенно.

Что и делает Таймураз.

До самого последнего шага на седловину перевала не позволяет себе расслабиться и потратить даже несколько минут драгоценного времени на передышку.

Знает по опыту бывалого альпиниста:

— Чуть поползет вниз, подрезанное цепочкой следов, поле слежавшегося снега — уже не миновать лавины.

В подобной ситуации выручает восходителя лишь преимущество в скорости над естеством природы.

Но и тогда Таймураз не любит даже вспоминать, как уходят из-под ног в пустоту пласты и комья сырого, тяжелого снега:

— Особенно такого снега, как здесь — напитавшегося теплом дыхания долины.

Перевальное седло, столь часто хоженое и в былые годы, теперь стало родным для этого, поднявшегося на него человека.

Вновь, в который раз встретило его запахами с

побережья, напоенными, кажущейся терпкой зеленью пальм и моря.

Недолгий — лишь на десяток минут привал все же понадобился уставшему Таймуразу.

Восстанавливая дыхание, он внимательно, пусть и единственным своим оставшимся глазом огляделся по сторонам. Выбирая лучшее место для лучшей закладки пакетов с самодельными взрывными устройствами.

Таящие в себе страшную разрушительную силу, они пока — до поры до времени, вполне мирно покоились в объемистом рюкзаке, осторожно снятом путником с плеч прямо на мягкий пушистый снег.

Свои мины Таймураз делал сам, не по заводским каким-то меркам, а из подручных материалов, используя в качестве основы тротил, вытопленный из неразорвавшихся авиабомб, как совсем недавно подробно рассказывал в поселке организатору проходов контрабандным грузом.

В секрете оставлял только собственное своеобразное «ноу-хау» — формовал адскую машину простейшим способом, прямо в пустых пластмассовых банках из-под бытового стеклоочистителя.

После чего взрывчатка, требовала лишь одного — детонации взрывателя, чтобы всколыхнуть, спустить по склону горы тысячи тонн

слежавшегося снежного покрова.

— В лучшие времена были, — сожалеет Таймураз, как о несбыточном ныне варианте. — И стандартные армейские МЗД — мины замедленного действия.

Но давно вышли, Заставив его перейти на эти самые самоделки — подобные нынешним.

Изготовление их, тоже пришлось освоить самому. Как и все остальное, от той самой от выплавки взрывчатки, до намотки нитяных замедлителей для взрывателя.

...Отдохнув и выбрав места, годные для самых эффективных подрывов, сапер раскрыл свой рюкзак.

Первую свою мину, сапер заложил, как и предполагал ранее, под самой снежной «шапкой» горы, откуда пришел.

Её взрывник снабдил взрывателем с чуть большим, чем на другой mine, числом суровых хлопчатобумажных нитей. Именно они удерживали шток бойка обыкновенной гранаты, соединенной с бруском формованного динамита.

Таймураз, не сомневается, в надёжности и безотказности собственных изделий. Надеется, что, как всегда, политые концентрированной серной кислотой из стеклянного пузырька, вынутого со всеми предосторожностями из кармана штормовки, нити должны истлеть в точно рассчитанное время,

выпустив подпружиненную гранатную чеку.

Затем и во втором заряде нитки замедлителя, сбрызнутые той же самой кислотой, тоже пыхнули в лицо едким паром, тут же начав разрушать податливой хлопковое волокно.

Сделав дело, Таймураз не торопясь поднялся выше установленных им мин. Уверенно прошел несколько упругих шагов по островерхому скальному хребту.

Там и занял место в надежном укрытии, устроенном под торчащей, казалось бы, прямо из снега, черной скалой.

Хлопок первого взрыва на седловине перевала, откуда Таймураз, только что поднялся, взметнул в небо белый столб снежной пыли и ледяного крошева. И тут же был заглушен ревом, лавины, пошедшей вниз в сторону моря.

Взяв ход и пожирая на своем пути все больше и больше снега, льда и камней она набирала скорость, под стать курьерскому поезду. С гулом и нарастающим ревом уйдя вниз, поток после себя оставил плотную завесу, долго не желавшей оседать, мельчайшей, как пар, снежной пыли.

А вот заряд, заложенный первым, запаздывает с исполнением своей сольной взрывной партии, всё никак не желает отозваться на задумку устроителя подрыва.

Таймураз знает, что так иногда бывает,

особенно — на морозе, когда действие кислоты может быть снижено, этим самым холодом.

— Шайтан, возьми! — вслух чертыхнувшись от досады, попенял он на собственную ошибку, устранять которую предстояло теперь, с куда как большим риском, чем при обычной установке заряда.

Оставив под скалой наверху, пустой теперь уже рюкзак, минер отправился назад, осторожно шагая по собственным следам. Когда уже собирался, было, откапывать не сработавший штатно заряд, внезапно — еще раньше того, как он услышал грохот взрыва, Таймураз вдруг почувствовал под собой гулкую пустоту.

Сорвавшаяся, хотя и с запозданием, лавина не оставила ему, шансов на жизнь, утащив как в воронку, в свой смертельный оскал.

...Уже начало смеркаться, когда до людей чернобородого вожака вновь донесся низкий по тону, более глухой, рокот лавины, сходявшей со стороны горной гряды.

Словно сдвинутая гигантской метлой, снежная шапка ринулась с перевала. В дикой ярости разрасталась, фантастически вспухала, клубилась до самого низа. Пока, истощившись на злость и ярость, наконец, успокоилась, распластавшись своим хвостом по прилегающему леднику.

— Молодец, Таймураз! — обрадовано воскликнул вожак. — И на этот раз удался тебе — фокус с подрывом, а нам — удача!

После чего ещё раз довольно улыбнулся чернобородый, подбадривая, закопавшихся в снегу, носильщиков.

— Путь свободен, — крикнул он. — Пора спешить на перегрузку!

...И прежде не раз и не два повторялась подобная процедура перехода. Но всегда за седлом перевала, из-за скалы, служившей надежным убежищем, наблюдал за передачей товара одноглазый подрывник.

Теперь же плотный гребень снега, осевшего после взрыва, безлюдно сиял первозданной белизной. Храня молчание под мертвенными отблесками уже лунного света, наступавшего раннего вечера.

— Тай-му-раз! — гортанно окликаая, позвал вожак своего проводника.

За ним, подобным образом, во всю мощь голосовых связок, окликнули пропавшего минера и кое-кто из носильщиков.

Но и эти, и прочие долгие крики, прозвучавшие до начала спуска вниз грузовых контейнеров, так и не нашли своего ответа. Лишь безучастное эхо еще какое-то время, словно по привычке, перекатывало от скалы к скале имя

неудачника...

Самому старшему из контрабандистов в такой ситуации бы радоваться, что как по маслу удалась задумка с передачей груза. И к рассвету он уже будет с оставшимися помощниками далеко от здешних мест. Да что-то мешало чернобородому, думать только о своих заботах.

Словно дурное предчувствие нахлынуло на него после гибели проводника — человека, много раз другим обеспечивавшего удачу, пока она сама не отвернулась от него.

Так — думая лишь о Таймуразе, вожак контрабандистов и проделал весь обратный путь до подножия перевала.

Скользя по плотному следу сошедшей лавины, он еще долго оглядывался, трубно кричал, призывая откликнуться бывшего проводника. Пока окончательно не понял бесполезность своего занятия:

— Не стоило, видно, больше питать надежду, встретить того, кого поглотили тысячи центнеров снега, походя пожравшие на своем пути все, что только было возможно.

— На этот раз Аллах, окончательно отвернулся от одноглазого проводника — Таймураза, — понял чернобородый предводитель контрабандистов. — Да еще забрал к себе, вместе с ним, и самую возможность вновь вернуться в эти

места нам, уцелевшим участникам последнего из состоявшихся переходов.

...На том месте, где ранее ожидали в выкопанной пещере грохот взрывов с перевала, носильщики ненадолго остановились. Обнажили головы, вспомнив проводника.

И вновь закрипели по снегу полозья тяжелых алюминиевых саней. Оставляя за собой глубокие борозды в направлении темнеющей внизу лесной чащи.

Там, под разлапистыми сосновыми кронами, их уже ждали те, кому была поручена окончательная доставка на место многотрадального груза. Сначала неприхотливыми горными лошадьми. Потом — стандартным горнолыжным канатным подъемником. Прямо к машинам у заброшенного туристического комплекса.

Где-то вдалеке еще несколько раз громыхнуло.

То ли это был очередной отзвук все еще продолжающей войны. То ли просто вернулось обратно эхо недавней работы Таймураза.

Но, скорее всего, крепнувший мороз наводил свои порядки. Осыпал с вершин самые ненадежные снежные надувы.

Однако не было пока желающих снова соваться в самую пасть лавин. И теперь, сходя вниз

по крутым склонам, они уже никому не грозили опасностью.

Потому и воспринимались очевидцами лишь как обычные раскаты, далеко-далеко от сюда затихающего, грома.

Глава первая

Никогда не знаешь, чей опыт может пригодиться тебе прямо сегодня, а чей — завтра или в более отдаленном обозримом будущем?

— Потому, приобретая в кассе авиабилет, особенно не следует сбрасывать со счетов утверждение знатоков воздушных путешествий, что там, где начинается авиация — кончаются обычные представления о целесообразности и необходимости во всем чувствовать меру! — к месту вспомнил Сергей Калуга, внимательно глядя в иллюминатор, их приземляющегося на аэродром прилёта, пассажирского лайнера.

Где только не успел побывать он по воздуху за свои неполные тридцать лет? И везде поджидало одно, практически, и тоже, с похожими как близнецы-братья, аэровокзалами.

На промозглой ли, под северными ветрами, Камчатке. Или в среднеазиатский круглогодичный зной — повсюду встречали одни и те же каланчи диспетчерских.

Да «стекляшки» кассовых залов.

И никому не дано увидеть третьего. Все или мерзнут на зимнем холоде. Или изнывают в южной духоте.

— Зато и проблем с ориентирами нет. Сошел с самолета и точно знаешь, где тебя будут мурыжить с выдачей багажа, — невольно подумалось Сергею.

И было от чего.

Впереди — у самой кромки обширного поля самолетной парковки, перед вновь прилетевшими, «во всей красе» предстал очередной такой «аквариум». Из плеяды тех, что закрепили за аэрофлотовской архитектурой весьма непривлекательную репутацию пресловутого «накопителя», вместо обычного помещения именно для удобства пассажиров.

Хотя, по совести говоря, то «чудо природы», куда на этот раз провели стюардессы своих подопечных от приземлившегося «Туполева», могло показаться исключением.

Здесь, в мягком климате Северного Кавказа, дешевый южный вариант строительства вполне годится для обслуживания людей.

— Зато подкачало, — на взгляд иных пассажиров. — Само официальное название конечного пункта прилета.

Означенное вразрядку крупными неоновыми, но наполовину уже перегоревшими от времени,

буквами над фасадом здания, оно давало невольный повод для тренировки зубоскальной фантазии.

Чем и воспользовались личности, самые, что ни есть, охочие до всевозможных насмешек и каламбуров.

— Вы минералводчане, братцы, или водоминеральцы? — громко, как только мог, на всю пассажирскую толпу, спросил близкий приятель Сергея из их нынешней компании — Виктор Елеев.

Глотку драл он достаточно зычно, хотя и напрасно.

Как ни орал, а нисколько не потряс и единой души из возможных почитателей своего стихоплетного таланта. Не до него было и встречавшим, навьюченную вещами, вереницу пассажиров со столичного рейса.

А ведь за узкими стеклянными дверьми аэровокзала, на которые было указано самодеятельным хохмачом, минералводчан или водоминеральцев тоже торчало предостаточно.

И они, со своей стороны, вполне могли судить о таланте доморощенного поэта.

Во всяком случае, слушателей имелось как раз столько, сколько нужно хотя бы для начала любой поэтической дискуссии.

— И тем более по поводу названия их родного прославленного по миру города, — полагал до осознания своего полного разочарования

доморощенный остряк Елеев.

Но реакции не последовало.

Картинно опешивший от такого явного равнодушия, Витька хотел вылепить из своей физиономии маску обиженного коверного клоуна Пьеро. Да не успел.

Нашелся-таки человек, ни сколько не поленившийся вслух дать его вольности самую своевременную и должную оценку:

— Иди, иди, ботало! — не очень благодушно, как и полагается при исполнении служебных обязанностей, рыкнул на него дежурный милиционер.

До этого он, как скала, сдерживал натиск двигавшихся от лайнера самых нетерпеливых попутчиков новоявленного поэта.

И только теперь дал волю не только рукам, но и языку:

— Видали мы, таких, как ты, горлопанов, знаешь где?!

Досказать точный адрес возмутителю всеобщего спокойствия он, впрочем, не успел. Так как заметил за спиной этого крепкого жилистого парня гораздо более привлекательный объект для внушения.

Им оказалась персона самого Сергея Калуги, взгромоздившего на плечо огромную, кожаную сумку — «кофр».

Родную «сестру-толстуху» тех сумок, что когда-то ввели в модный обиход коммерсанты челночного бизнеса. А уж они, дорожившие местом для каждого лишнего килограмма своей дорогостоящей поклажи, знали толк в подобных дорожных аксессуарах:

— Куда так настырно торопишься, герой. Со своим комодом? Дай сначала другим пройти.

Окрики не возымели ожидаемого действия, вот и пришлось увещевать незнакомца обычным образом культурной устной речи.

— Успеешь, своё личное барахло домой вынести! — ещё громче возопил милиционер. — И как еще пропустили в самолет со столь массивным грузом?

Последним залпом убеждения стала констатация факта, очевидного для всех, кто был тогда на летном поле:

— Еще бы грузовой контейнер с собой прихватил!

Затянувшееся нравоучение могло бы длиться еще дольше, если бы в ответ прозвучало, хоть одно слово. Но Калуга знал, как вести себя в подобных случаях. Молчал, как рыба на льду.

Потому, с нотками торжествующей справедливости в командно-поставленном голосе, представитель власти отстал от него, просто подтвердив факт, что заставил-таки Сергея

замедлить шаги в гомонящем людском потоке.

— Давно бы сам догадался, — честно оценил милиционер с металлическими лычками на погонах. — А то рад, что вымахал с каланчу, двигает вперед, как танк.

Видя, что другим пассажирам его заступничество по сердцу, представитель закона вдогонку бросил последнюю оценку действиям провинившегося:

— Только другим мешает!

Знал бы дежурный, что Сергей заскромничал вовсе не от нежелания вновь попасть ему на заметку. Но только совсем не опасался вовсе он этого нагловатого старшины. Явного щеголя. Ведь, был одет в пятнистый камуфляж, полагавшийся скорее омовцам, чем постовым на посадке-высадке.

Совсем другое обстоятельство беспокоило Калугу.

Просто в непосредственной близости от выхода с летнего поля он убедился в бесполезности «свечения» личного багажа. К тому же — делать это в непростых условиях — протискивания свое объёмистой сумки сквозь толпу, следом за густым людским потоком, тоже стремившимся в «иголье ушко» узких дверей Аэровокзала.

Оттого Сергей просто взял чуть в сторону. Замедлил шаг. От того, так и не узнал ответ на

сакраментальный вопрос:

— Как же правильнее именовать местных жителей?

Он прозвучал накануне от Виктора Елеева, проводившего здесь, на месте прилета в город, самостоятельно, исключительно на общественных началах, подобные — социологические исследования.

Того, в свою очередь, уже увлекли вперед народные массы: то ли подопытных водоминеральцев, то ли — солидных минералводчан. И он затих, оставшись без молчаливой поддержки своих друзей.

...Ещё накануне этого полёта, в Москве, по пути во Внуковский аэропорт, к отправке рейса на Северный Кавказ, Сергей Калуга едва не опоздал. Зато стал обладателем этого своего злополучного «сиротского» сумаря, так не понравившегося строгому представителю власти на месте назначения.

Суета же и неразбериха в их веселой компании, имела не скороспелые, как говорится, корни, а началась достаточно давно: прямо перед самой отправкой всего «квартета» в аэропорт.

Именно тогда Сергей получил задание забежать «на минутку» в офис своего непосредственного шефа. А уже там — в качестве «посылки знакомому» и навялили ему, с весьма

строгими указаниями, эту самую сумку, метко названную минераловодским милиционером «комодом». Но на самом деле — мечту всякого уважающего солидные вещи, пассажира дальних странствий.

Потом начались странности иного плана. Их Сергей тоже воспринял как должное зло. Не скоро поняв, что стал жертвой чужого замысла, подразумевавшего специальную задержку «гонца» в пути, чтобы персональный груз так и путешествовал с ним всю дорогу исключительно рядышком.

Вот и, выделенная ему, в качестве компенсации за возможные моральные и физические издержки от перевозки такого багажа, персональная директорская «Волга», вначале оказалась тяжелой «на подъем», а потом еще и легкой на поломки.

Вдобавок к её черепашьему ходу, чуть ли не назло Калуге, у самого аэропорта машина попала в аварию, когда тихоходную «ГАЗ-24», якобы случайно, «боднул» кокой-то «чайник» — автомобилист-любитель.

Отважившись обогнать их на потрепанной иномарке, он при этом, достаточно демонстративно «не рассчитал» не только сбитое «дыхание» своей авторухляди, но и одышку ленивой персоналки калугинского начальника.

Правда, долгие в иных случаях разборки на счёт того: Кто виноват? и Сколько нужно «отстегнуть» на правку облицовку крыла? — закончились на этот раз миром.

Зато «съели» окончательно запас времени, отпущенного Сергеем самому себе на оформление полета в нынешние края «строгих водоминеральцев», позже искренне и безвозмездно воспетых Елевым.

Задержка в пути всегда обидна. Вызывает острую досаду. Особенно — если сам к ней никоим образом не причастен. Да еще когда и пенять не на кого, кроме тех, кто встретился на пути.

Вот так, проклиная всех на свете шоферов и собственного шефа с его «небольшой» посылкой другу в Минводы, Сергей шел от автостоянки до главного корпуса Аэропорта «Внуково», как на эшафот.

Предупрежденный телефонным звонком об отправке Сергея еще из офиса шефа, старший их группы из четверых человек — Олег Банников, до последней минуты не верил в опоздание Калуги. Потому успел, проявив завидную смекалку, зарегистрировать билеты на всю братию. И более того — сдал в багаж даже, бывшие с ним, вещи друга.

Только вот, не предусмотренную загодя, громадную сумку-посылку девать уже было уже

просто некуда.

Как заявил руководящий представитель обслуживающего персонала, мол, груз рейса давно загрузили в, готовый к вылету, лайнер.

Так что понадобились на уговоры все красноречие и мольбы четырех специалистов по трепу.

Этот подвиг, в совокупности со стенаниями, достаточно жалостливыми на слух, чуть не опоздавшего, пассажира, сказались на том, чтобы и «сиротская торба», едва не опоздавшего на рейс пассажира, проделала-таки, намеченный её хозяином, путь.

Ценой успеха, правда, было то, что полетела она не в общем чреве багажного отсека, доступная перед этим пронырливой аэродромной братии. А при догляде персонального посыльного-носильщика, пусть и менее комфортабельно устроившись, на полу в подсобке бортпроводников.

О чем, на его счастье, вовсе не знал настоящий хозяин груза, как оказалось, специально сделавший все возможное, чтобы его «посылку» не отправили в багаже, где могли заглянуть в нее грузчики, в осматриваемой строгим образом ручной кладью.

Но и столь фамильярное обращение с сумкой, вряд ли бы понравилось, если бы она, вполне

благополучно она не долетела до места назначения.

Там и забрал её Сергей, когда настал его черед выходить из «Ту-154» на бетонку пункта назначения.

Зато теперь подтвердилась истина о палке и её двух концах.

Показные чувства — скромность и нежелание спорить с дежурным, вполне успешно продемонстрированные Сергеем, сделали своё «чёрное дело». Они сначала вывели его из числа лидеров пассажирского движения к входу в Аэровокзал. Ну, а потом окончательно превратили Калугу в неудачливого аутсайдера такой «гонки».

Отбившийся в сторону от общего потока, владелец не стандартной емкости из кожи и капроновых ниток, щедро отпущенных на швы и многочисленные замки-молнии этого вещевого монстра, абсолютно последним пересек рубежи.

Те, что очень даже строго охранялись, правда, не на деле, а только, по словам, взопревшего от чрезмерного усердия, дежурного.

К подходу, крайне нагруженного своим скарбом, Калуги, двери в тот момент уже не привлекали никого другого.

Так что, более удачливые спутники, дожидаясь его появления с перрона, успели перейти от каламбуров Елеева по поводу минералводчан и «водоминаральцев», на другую тему.

При появлении Сергея, разговор неразлучных друзей касался абсолютной конкретики и житейского опыта.

Они, успели, как сейчас Калуге показалось, исследовать всё содержимое витрин здешних торговых точек.

И теперь трое неразлучных парней с завидным азартом спорили по поводу того:

— Какая минеральная вода лучшая в Минеральных Водах?

Не сразу, а лишь когда личная поклажа оказалась на мраморном полу вокзала, и можно было размять затекшую руку, Сергей понял суть спора.

— Возьми, друг, взбодрись! — Виктор Елеев протянул ему, запотевшую, видно, прямо из холодильной камеры, бутылку «Нарзана», которая сначала приятно утолила жажду, а затем решила и окончательно исход спора.

Тем самым, что добавила в процесс голосования еще одно мнение ценителя исконно русского средства поправлять здоровье добрым глотком ледяной газированной влаги.

— Холодная вода лишь для самовара полуфабрикат! — заявил Сергей. — А так она всегда и в любом количестве уже готова к употреблению.

Четвертый в группе — Геннадий Куксин,

накануне перебравший «отвального» за хлебосольным общежитским столом, понял слова друга буквально.

И потому, без особых на то возражений, собрался повторить путешествие по, лично разведанному им, маршруту, за новой полудюжиной бутылок холодной минералки.

Но был остановлен, ни в чем не любившим излишеств, Банниковым:

— Поздно, парень, «Нарзан» ведрами пить, если от алкоголя печень — в клочки, — не терпящим возражения тоном, заявил он. — Давай, лучше шуруй на автостоянку.

И тут же объяснил суть задания:

— Там где-то должен быть припаркованным внедорожник «Ниссан» здешнего хозяина наших хомутов.

Мрачно-бурлацкая шутка мигом вернула их к действительности.

Ведь всего четыре пары рабочих рук — не Бог весть, какая производительная сила? Даже если их обладатели — настоящие верзилы, чьи накаченные бицепсы не скрывали даже просторные рукава-регланы модных кожаных курток.

Хотя от них, приехавших сюда на заработки, вовсе и не требовалось показывать ежедневную стахановскую прыть — созидать, как говорится, на века, различные материальные ценности.

Иную задачу всем четверым определила руководство...

В договоре, поманившим их на Северный Кавказ, и впрямь, речь шла совершенно про иное.

Всесторонне оговаривалось дело, не вполне связанное с грубым трудом ремесленника:

— Покараулите за большую заработную плату, месяц-другой и помещение, и то, что еще в большом количестве осталось на туристском высокогорном комплексе.

Хотя не обошлось тогда и без прямо-таки отеческого напутствия.

— Заодно, в свободное от основного занятия, время подготовите там сносное жилье для размещения строительной бригады! — напутствовал их работодатель, судивший мирную райскую жизнь и занятное времяпровождение.

Его прическа, прилизанная, как у антигероя в плохом кино, дополняла внешность этакого хлыщеватого типа, с манерами финансового магната, и апломбом недоучившегося до конца, незадачливого студента.

Короче говоря — все вместе создавало не очень-то привлекательный образ самолюбивого выскочки.

Не принесло потенциальным работникам туристической индустрии — положительных эмоций и уверенное его обращение к самому себе.

— Игорь Евгеньевич! — так солидно и с уважением к собственной персоне, представился он этим четверым, лично посвященным в планы возрождения горнолыжного спорта Приэльбрусья.

Оттого путаная речь снисходительно воспринимать ровно на столько, сколько лилось в бокалы заказанного «хлыщом» пива.

Дальше для поддержания интереса понадобилось иное средство. На визитных карточках, протянутых каждому из новых знакомых Игорем Евгеньевичем, значилась его немалая должность, озвученная ещё и устно:

— «Президент финансовой группы «Виадук».

А так же фамилия её обладателя — И.Е.Малах.

...Столь странная встреча вряд ли могла быть возможной, не произойди она в излюбленной тусовке «новых русских», стихийно возникшей на базе Московского областного клуба туристов, альпинистов и горнолыжников.

Там, в тот раз, отмечали возвращение с учебных сборов очередной группы. А четверо неразлучных, в последнее время, друзей еще и получили воделенные удостоверения инструкторов горнолыжной подготовки. Потому не очень стеснялись типов, подобных Малаху.

Нисколько не удивились они, когда тот проявил инициативу в организации небольшого

«сабантуйчика» за отдельным столиком.

— Конечно, Карпаты не то, что я хотел бы вам предложить, — заявил он. — Но, думаю, если справились там, то и на Кавказе освоитесь!

И ещё, пока разливалось по высоким «фирменным» стаканам импортное бутылочное пенное пиво, успел заявить Игорь Евгеньевич:

— Про вас говорят, что вы парни brave и трудностей не боитесь!

Все отхлебнули. И только он один так и не прикоснулся к своей, доверху наполненной, хрустальной посудине.

«Богатый дядя угощает!» — могла бы называться картина, возмись кто из живописцев за сюжет о явлении миру природы явного бахвальства.

Подобное начало разговора не могло понравиться свободолобивым натурам. Пусть, даже за столиком, в заманчивом избытке, установленном и пивом, и солеными вкусными фисташками. И тем более не сулил бы, в другой ситуации, ничего хорошего, такому явному пройдохе, как Игорь Евгеньевич. Несмотря на то, что именно он и был хозяином, добровольно предложенных на «поедание», довольно дорогих здесь по цене, различных угощений и выпивки.

Но примирило возможную обиду инструкторов присутствие рядом с ним лично самого директора их клуба.

Тот же, судя по довольному виду, свой выбор уже сделал:

— Соглашайтесь ребята!

После чего негромким голосом сделал более доступные восприятию, разъяснения.

— Условия хорошие, — услышали от него инструктора горнолыжной подготовки. — И заработаете неплохо, и время с пользой для себя проведете!

Правда, желая угодить их потенциальному работодателю, это он заявил с видом заговорщика, готового, вместе с ними, провести на мякине богатого пижона.

Такая рекомендация начальства не могла не настроить на благодушие и самих кандидатов в «покорители Приэльбрусья».

После вступительной речи директора они, хотя и посмеивались про себя, все же, гораздо внимательнее, чем прежде, выслушали они довольно расплывчатые сентенции вальяжного представителя плеяды настоящих «хозяев жизни».

Лишь в перерывах, когда вновь кто-то вновь уходил в буфет за, заранее оплаченным бизнесменом, пивом, собеседники не забывали о, своих, возникавших время от времени, сомнениях.

Старший по возрасту и более солидный в делах Олег Банников, первым пресытившийся пенистым напитком, не стал ходить вокруг да

около. Он сразу назвал главный аргумент не в пользу, предложенного им, проекта охраны туристического комплекса:

— Ну, а война как же?

Его поняли все, без дополнительного пояснения:

— Всё же столько лет из-за неё не было никому хода в те горнолыжные места.

Но Банников продолжил:

— Вот и нынче — там нас могут ждать местные гяуры, которые и в сортир не ходят, без остро наточенных ножей!?

Мудреное словечко требовало пояснений:

— Он имел в виду «злых чеченов», — к месту напомнил строчки Лермонтова, любитель и знаток классической поэзии Виктор Елеев.

Его голос «профессионального» добряка-пивососа, к тому же, находящегося в расслабленном состоянии, мог восхитить даже, вечно недовольную, школьную учительницу литературы, занеси ее сюда — в стан пьяного порока.

Сам же Игорь Малах, не смотря на свою внешнюю респектабельность и превосходство над собеседниками в социальном положении, тем не менее, не стал менять тему.

Правда, захотел, было, на это сподобиться, да, глянув в лица новых знакомых, не рискнул все же

произнести искомое слово:

— Боитесь?

Но его мимический монолог и мышечные борения губ проявились в кривой ухмылке тонких губ.

Нисколько, впрочем, она не украсила в эту минуту, бледное лицо матерого «кабинетного затворника». Каким был на деле, предприниматель столь крупного масштаба.

Вслух Игорь Евгеньевич заявил слушателям, менее обидное для тех, утверждение:

— Верно, война идет!

Оратор раздавил рукой очередной орешек и отправил его в рот.

— Но скоро, поверьте мне, благополучно закончится, — жуя фисташку, заявил он. — Уж я знаю.

Все за столиком оторвались от пива, насколько неожиданными показались им слова предпринимателя.

— Что же касается самых обычных туристов и горнолыжников, то потянутся они обратно как миленькие — продолжал Малах. — Особенно, когда поймут, что никто их обижать там, в горах не станет.

Вернувшись с заоблачных вершин предсказаний, он уточнил прелести, ожидающие возможных первых счастливиц из тех, кому

уготовано, столь красочно им только что расписанное чисто горское гостеприимство:

— Да и вас тоже ожидают шашлыки и не самое худшее в мире вино!

После всего им сказанного, Игорь Малах обвел всех сидящих с ним за одним столом тяжелым взглядом, обиженного недоверием, человека:

— Есть договоренность на месте.

Парня заулыбались, всем своим видом показывая, как они относятся ко всяким словесным договорённостям.

Тогда будущий работодатель «прихлопнул их мелкие доводы» своим самым весомым козырем.

— Как-никак там, куда, возможно, парни, полетите, скоро будут создавать новую жизнь.

Он сразил их речью настоящего современного финансиста.

— Создадут оффшорную, или, говоря проще, свободную экономическую зону, — выдал он коммерческую тайну. — И наш капитал там окажется не последним.

Как ни противна была вздорная натура Малаха друзьям, но одного оспорить они теперь не могли:

— Убеждать тот умел! Да и аргументы привел неоспоримые. В том числе и финансовое могущество, подкрепленное авторитетом

«Виадука».

При более подробном изучении своего будущего «фронта работ» на высокогорном туристском комплексе, парни вдруг поняли, какой ценой «Виадуку» достались новые владения?

— По самой, что ни есть бросовой! — со слов их нового знакомого.

Да и кто бы другой, кроме него, согласился повесить себе на шею жалкие остатки бывшей красоты, требующие ныне на восстановлении баснословные суммы?

— Наш хлыщ дождался, когда за сеть разоренных турбаз никто и гроша ломаного не даст, тогда все оптом и прибрал у тамошних «приватизаторов», — уже после того, как ушел предприниматель, крайне популярно и доходчиво, едва они остались за столом без посторонних, сформулировал, многоопытный в житейских делах, Банников. — И кто знает, не наш ли господин Малах, особенно рьяно, добивался там снижения бывшей горнолыжной популярности?

Продолжать разговор до полного проявления смысла, произнесенной Банниковым, фразы, тогда не стал ни сам Олег, ни остальные. И без того каждый понимал, что стоит за выбором именно их кандидатур Игорем Евгеньевичем?

В клубе имелись и, гораздо лучшие, чем они, специалисты по части обучения будущих

посетителей туристского комплекса «Виадук» горным лыжам. Но одного у этой четверки нельзя было отнять никому. Того, что каждого по отдельности и всех вместе выделяла среди остальных независимость, подкрепленная пудовыми кулаками действительно «крутых парней»...

Не в одно время, и совершенно по разному поводу, каждый из них пришел в Московский областной клуб туристов, альпинистов и горнолыжников. Но сдружились совсем недавно — в Карпатах. И тут такое предложение:

— Снова поехать в горы, да еще за чужой счет. И, к тому же, неплохо заработать за собственное удовольствие от общения с высотой и снегом.

Оставалось только соглашаться. Отложив, — как говорится, — до лучших времен, нынешние занятия.

...Для перемены обстановки не потребовалось особых усилий. Так, как вся четверка была легка на подъем. Банникову и Куксину с работой оказалось проще всего. В то время они промышляли, в основном, частным извозом. Да еще и на своих собственных малолитражках.

Пришлось только поставить своих жестяных помощников, расхристанных московскими дорогами в хлам, под единым именем «Москвич»

— на «прикол» по гаражам, чтобы обрести полную свободу действий.

Лишь Виктору Елееву, как охраннику небольшой коммерческой фирмы, нужно было действовать кардинальнее. Вообще распрощаться с былым местом работы, что он и не скрыл от друзей.

Подробно описал в своем сообщении о полной готовности отправиться к черту на кулички.

— А на прежнем месте, — по его словам. — Как и везде, оказалось, не знали нехватки в желающих стать ночными сторожами.

— Ничего, такого добра, как работы, в Москве хватает! — беспечно отмахнулся он от сочувствия остальных парней по их квартету. — Была бы шея, а уж желающих намылить её, да хомут пристроить, даже не сосчитать в нашей первопрестольной столице-матушке.

Для убедительности еще и пошутил:

— Какая разница с кем мозоли набивать, да в одних оглоблях стоять — с конем или с трепетной ланью?

В другой бы раз и вступился кто за, столь вольное, цитирование классики, но только не в подобных обстоятельствах. Уж больно увлекли всех и общая цель, и желание, скорее снова попасть в горы.

Потому Александр Сергеевич Пушкин, всеупомянутый доморощенным литературоведом, так

и остался наедине со своей возможной обидой.

И только Сергею Калуге повезло больше. Ему удалось довольно легко вписаться в будущую профессию — инструктора на туристском комплексе. В отличие от знатока литературы и двух других друзей, ему менять не пришлось абсолютно ничего. Так как последние полгода занимался, здесь же в Альпинистском клубе, чем придется:

— Официально исполняя обязанности вездесущего обладателя многофункциональной должности экспедитора.

К тому же, требуемый полугодовой отпуск без содержания, директор подписал ему безо всяких проволочек. Подтвердив тем самым, что, оказывая услугу Малаху в подборе первой «команды инструкторов-охранников», надеется и в будущем на тесные контакты с «Виадуком».

И уж тем более — с новым руководством кавказских филиалов и горнолыжных центров столь перспективного предприятия.

...Обещанная московским начальством своим гонцам поддержка на местном уровне в Минеральных Водах не оказалась блефом. Машина совершенно точно ждала их на парковочной площадке местного аэропорта. И даже ближе прочих стояла к отделению выдачи багажа.

Что говорило о предусмотрительности её хозяина — пожилого, довольно упитанного горца

— с густой бородой и, не менее авторитетной, лысиной.

Сергей, не чуждый творческим страстям, глядя на неё, не мог не отметить, с каким бы счастьем любой скульптор полюбовался колоритом этого, бугрящегося под темной загорелой кожей, крупного черепа.

Что же касается конкретики, то в опознании самого транспортного средства пригодился главный ориентир — номерной знак автомобиля, названный москвичам еще перед их отлетом на Северный Кавказ.

Он и привел четверку друзей к этому серому «Ниссану», стоявшему на парковке у аэровокзала.

Однако, владелец, услышав, обращенное к нему, приветствие, не очень-то поспешил в объятия к незнакомцам. Предварительно проверил документы и только затем принял у Калуги злополучную сумку, адресованную ему лично Малахом.

Когда с формальностями было покончено, «абориген» протянул, поочередно каждому, начиная с Банникова, мягкую податливую ладонь, ни дня физически не работавшего человека:

— Нурали Исаевич Шудаев!

Узнав, с кем придется иметь дело, столичная молодежь охотно перешла всем своим ограниченным составом под опеку нового

начальства.

Вместе с другими получив вещи по багажному отрывному талону, Сергей, оказался обладателями совсем другой — теперь уже своей собственной сумки. Совсем простой и близко не находившейся в «родстве» с той, что Шудаев уже определил за свою и упрятал подальше — за задним сидением в салоне своего личного импортного внедорожника-вездехода.

Водрузив свои вещи поверх «московской посылки от Малаха» и рассевшись по предложенным местам, гости совершенно безропотно вознамерились, было, тут же продолжить свой дальнейший путь к месту, столь неожиданно выпавшей работы.

Однако новый знакомец гостей из столицы не спешил немедленно везти их в сторону Главного Кавказского хребта.

Неторопливо и основательно, (как впоследствии выяснилось подобно всему, за что брался Шудаев), он отвез друзей вначале от аэропорта в город. Там и оставил гостей-пассажиров-подчиненных вечерять в холле небольшой, но вполне уютной гостиницы.

Сочтя, при этом, возможным снизить лишь до самого кратчайшего объяснения такой задержки.

— Дела, знаете ли, требуют моего присутствия! — заявил он, уезжая в неизвестном

направлении. — Подождете немного...

Такой поворот событий совсем не входил в планы москвичей. Однако, вкусный ужин, предложенный гостям господина Шудаева «за счет заведения» исключил сетований на столь невнимательное отношение к их персонам.

Запив сухим вином и раз, и другой поданные шампуры с шашлыком, они вынуждены были охотно примириться с оказавшейся столь приятной задержкой.

Тем более что и она сама пошла на пользу. Так как будущие инструкторы из неторопливой беседы с администратором узнали много для себя нового и полезного.

В том числе и о том, что встретил их лично — собственной персоной непосредственный начальник всей четверки.

Оказалось, что теперь, с приездом инструкторов на место новой работы, следует во всем слушаться и исполнять распоряжения только директора, переименованного в «Виадук», бывшего и нынешнего высокогорного туристского комплекса.

Кстати выяснилось, заодно, что до того Шудаев — долго и не без успеха для своей карьеры, работал в различных органах партийной власти.

— То-то, прямо рука зачесалась отчитаться по членским взносам, — начал, было, балагурить в

своём фирменном ключе, да осекся Виктор Елеев.

Стало совсем не до шуток, когда персонал гостиницы, как от чумного, тут же разбежался от человека, посмеявшего, даже столь призрачно и отдаленно покритиковать общего работодателя.

...Уже совсем в городе стемнело, когда Нурали Исаевич вернулся за москвичами в заведение, которому, в будущем отводилась роль «Заезжего двора», существующего от того же самого, туристского комплекса «Виадук», где могли бы принимать и провожать обладателей путёвок в «Хозяйство Шудаева».

Это шеф пояснил новоявленным нукерам, одновременно торопя их отправляться в долгожданную дорогу.

Теперь, уже безо всяких непредвиденных приключений, с полным набором пассажиров, «Ниссан» выбрался из города. После чего свернул на трассу, ведущую в глубину, дышащих холодом, гор.

Когда позади, за стеной пирамидальных тополей, исчезли городские огни, как видно, предусмотрительный человек во всем и всегда, Шудаев со своей стороны принял довольно серьезные и неожиданные меры безопасности.

Свободной от автомобильной баранки, рукой он указал Олегу на, лежащий между передним рядом сидений, внушительный сверток:

— Придержи, чтобы не скользил.

Продолжая одной рукой рулить, другой Нурали Исаевич распустил узел на шпагате, перехватившем пакет из оберточной бумаги.

— Раздай вот это ребятам на всякий случай, — строго заявил он. — Вдруг в дороге понадобятся!

В свете матового плафона, укрепленного под потолком пассажирского салона, суровым воронением блеснула, вынутая из упаковки, сталь гладких стволов и ребристых рукояток «Пистолетов Макарова».

Шудаев при этом ничуть не удивился озадаченности спутников.

— Надеюсь, умеете управляться с такими игрушками? — спросил он. — И все же предупреждаю — в каждом полная обойма.

И это уже не имело значение для восприятия озадаченными спортсменами последнего высказывания своего «минного начальства»:

— Будьте осторожнее!

Красноречие Шудаева стало излишним, когда к концу фразы у его спутников прошел шок от внезапного посвящения в противозаконные дела.

— Система «Макарова», калибр девять миллиметров, — как на занятиях институтской военной кафедры изрек, принявший свой экземпляр оружия, Виктор Елеев. — Стоит на вооружении

милиции, армии, бандитов и вот, теперь — нас!

Закончил он свою довольно долгую и серьёзную тираду привычным перефразированием каламбура:

— Без пистоля, ты в неволе, а с пистолем — гражданин!

В ответ получил именно то, чего не добивался.

— Верно, значит, мент в аэропорту тебя боталом окрестил! — заметил ему шепотом Олег Банников. — Молчи уж.

Больше про оружие в ту дорожную ночь не говорили ни слова. Надеюсь все же при этом на то, что сомнения Шудаева насчет безопасности пути окажутся напрасными. И вовсе не понадобится пускать «стволы» в дело по их прямому назначению.

Глава вторая

— Почти две сотни километров, — как выяснилось от Шудаева. — Предстояло им проехать до нужного ущелья, до конечной точки, где водителя «Ниссана» и его пассажиров ждал обещанный туристский комплекс.

Ныне переименованный в «Виадук», прежде он, наверное, привлекал своей относительной доступностью.

И действительно, тогда этот путь мог бы любому непривередливому туристу показаться легкой прогулкой, о чём позавидовали все сидящие в иномарке своим предшественникам.

Не то, что им было сейчас!

Даже и при такой скоростной машине, как их нынешняя, под чьи широкие колеса, набегая, мягко ложилась серая лента асфальта японский «Ниссан» совершенно точно соответствовал автостраде — отличной и в прежние времена, и теперь, — всем своим видом пытался доказать пассажирам хлебосольный водитель.

Но, так казалось лишь в начале пути.

В итоге друзьям пришлось поколесить в компании со своим начальником-шофером Шудаевым до самого рассвета. Кляня в душе и его и себя за странно-неторопливую ночную прогулку по горным серпантинам.

Время от времени водитель то, притормаживал у обочины, ожидая, когда сзади из темноты к ним присоединятся светлячки фар другой машины. То — мчал, словно на автогонках, неистово догоняя, подобные их собственной, группы транспортных средств. То — плетясь как черепаха, подлаживался под некий график, установленный неизвестным пока диспетчером.

Рывки прекратились, лишь тогда, когда караван машин, к тому моменту растянувшийся на

добрый километр, все же пошел по трассе с нормальной скоростью. С той, какую действительно позволяли на такой хорошей дороге, как эта, мощные моторы дорогих иномарок.

Олег Банников, успел раньше других, что называется, «до печенок» пресытиться странными манипуляциями водителя.

Пару раз, за время пути, он попытался, было, расспросить его. Выяснить все, насчет ближайшей перспективы.

— Скоро будем на месте? — поинтересовался он у водителя. — Что плетемся, как чахоточные за гробом друга?

Мрачный оттенок сказанного предводителем приезжих, мог бы кого угодно пронять до живого. Но флегматичный кавказец даже не удосужился что-либо добавить к, утробно-вымученной, из него фразе типа:

— Так надо!

Она еще больше взбесила парня.

Привыкнув во всем доходить до сути, он и теперь мог бы постоять за себя. Да вовремя спохватился, только что, получив, сей, довольно краткий, но вполне убедительный молчаливо-словесный отпор. А потому, обидчиво насупился и на все дальнейшее смотрел философски.

— Крой с любой скоростью до самой горы, —

чуть слышно, только для друзей, пробормотал он. — Уж там разберемся — кто из них, как говорится, цыкнет на кого последним!

Скупой диалог между начальством — местным и «квартетным» — их четверки, между тем, так и угас, не успев превратиться в очистительный костер истины.

Зато, дисциплинированно молчавший всю дорогу, Сергей Калуга довольно скоро понял тайную причину хитроумных опытов, последовательно проводимых Шудаевым со скоростью своего «Ниссана».

Обошелся при этом своим собственным умом, без всяких там, наводящих расспросов. А лишь наблюдением за тем, как их настоящий парад различных машин, безо всякого контрольного досмотра, проскочил сначала мимо одного поста ГАИ, потом второго. И так — друг за другом, еще через несколько контрольно-пропускных милицейских пунктов.

— Те же, по наблюдению Калуги, — были нанизаны на дорогу, как звенья богатого цыганского мониста.

Вывод из сложившейся ситуации напрашивался сам собой.

— Идем, действительно, точно по графику! — про себя хмыкнул он, представляя, чего стоило его составить такому твердокаменному, молчаливому

руководителю, как их глубокоуважаемый Нурали Исаевич или кому, может быть, другому, еще более важному в здешних местах с непредсказуемыми встречами на дорогах.

Но тут возникла новая неприятная ассоциация:

— Так, можно полстраны проехать и никто не узнает — кого и куда везли?

Ведь трупы вдоль дорог теперь, наверное, не считает даже местная администрация. Относя их за издержки переходного периода: от развитого социализма до незрелых рыночных отношений!

Можно было, конечно, воспользоваться случаем — развести целую дискуссию по поводу оправданности их участия во всей этой аванюре с поездкой на Кавказ. Однако не существовало ни у кого личной убежденности в пользу такого мероприятия, потому Сергей свои сомнения решил держать при себе.

Впрочем, как и снятый им с предохранителя, вопреки воле Шудаева, пистолет.

И еще был готов, при малейшем поводе к тревоге, поделиться своими мыслями по этому поводу с друзьями.

Они, в свою очередь, хотя и насторожились от «вороненых сюрпризов» водителя, все же могли и не ведать о, идущей вокруг них, игре по чужим, незнакомым «московской четверке», правилам.

И все же «ПМ» напрасно всю дорогу грелся в ладонях Калуги. Игра в «Жмурки» на автостраде закончились для их компании вполне благополучно.

...Уже перед самым рассветом шудаевский «Нисан», вдруг, оказался летящим по автостраде в гордом одиночестве.

Незаметно, как и появилась, в ушедшей темноте растаяла былая свита.

При этом все недавние дорожные компаньоны покинули их точно «по-английски», не попрощавшись. Не вдаваясь в объяснения, укатили по своим направлениям без церемонии расставания с лидером каравана.

Так что теперь, после коллективной гонки, езда в одиночестве была даже приятней прежнего.

Но, промелькнул еще один поворот, и наступила перемена участи. Ведь на шоссе, прямо перед ними возник зеленый вездеход уже отечественного производства, именуемый в народе «козликом».

На ставшей поперек дороги машине, отлично была видна красная солидная надпись «ГАИ», намалеванная прямо на белом круглом пятне, посередине передней дверцы у места водителя.

И она, судя по всему, не сулила водителю иномарки поверхностного, мимолетного, как бывало прежде, общения с инспекторами.

— Патруль, как патруль, — показалось пассажирам. — Немало подобных мельком они повидали, за истекшие несколько ночных часов!

Но именно этот заставил обратить на себя особое внимание. Тем уже, что нарушил устоявшуюся только что традицию свободного пропуска гаишниками «Ниссана» Шудаева.

Теперь стало понятно, что путь впереди заказан.

Вышедший из УАЗика капитан даже и жезлом не махнул, а Нурали Исаевич уже пустил в ход тормоза.

Предыдущая скорость вся ушла в визг покрышек по асфальту и «Ниссан» вполне радушно, словно, только что, не было никакой подозрительной спешки, подрулил к офицеру.

Затем всё прояснилось, для новичков в здешних местах, окончательно. Широкие улыбки на лицах обоих кавказцев не обманули москвичей. Показали им истинную причину теперешней смелости их странного водителя.

Всю ночь изображавший из себя премудрого пескаря, боящегося собственной тени, наконец-то, он обрел покой и самодовольство.

— Значит, братцы, приехали! — повеселевший Олег облизал сухие губы, до того плотно сжатые от недавней незаслуженной обиды. — Тут у нашего друга все с законниками

повязано.

В душе непроизвольно поселилось чувство облегчения.

Как-никак ожидали обыска, вплоть до силового изъятия девятимиллиметровых «машинок», которые пассажирам официально явно не полагались.

Но все прошло иначе:

— Вовсе не нужно, оказывается, им «парить нары» за незаконное обладание чужим оружием.

Встретились, как выяснилось позднее, действительно хорошие знакомые Шудаева, а не только самые настоящие сотрудники правоохранительных органов.

Но и это недолгое отсутствие хозяина машины не позволило, оставшимся без надзора, пассажирам высказаться по этому поводу на чистоту. Впрочем, и так уже можно было догадаться, что хозяина встретила охрана мощнее, чем их московская четверка.

Люди, с которыми о чем-то говорил Нурали Исаевич, хотя и не собирались составлять компанию знакомому своего командира, все же были начеку. С автоматами в руках, они даже отсиживаясь в тесном неудобном салоне патрульной «раковой шейки». Названной так остряками из народа за схожесть раскраски с оберткой, популярных некогда конфет.

Конспирация, таким образом, носила явно выраженный, демонстративный характер, мол, коли не велено появляться, значит, так тому и быть.

Хотя горнолыжники, через лобовое стекло своей и боковое остекление той машины не могли не видеть горбатые, укороченные стволы милицейских автоматов, в любую минуту готовых стать серьезным аргументом в споре непонятливых:

— Кто в горах главней?

— Видно, есть в «Ниссане» груз дороже наших жизней! — с некоторым облегчением сообразил Калуга.

И, будто невзначай, глянул поверх спинок их пассажирских сидений в багажный отсек «японского чуда» Шудаева.

— Вместимость багажника «Ниссана» очень изменилась по сравнению с тем, что было первоначально, в аэропорту Минеральных Вод, — отметил Сергей. — Хотя, еще у «стекляшки» «Аэрофлота», побросав туда все свои, весьма объемистые, сумки с личными вещами и горнолыжным снаряжением, они еще посетовали на то, что туда вполне могли бы вместиться еще и сами «доски» лыж, не пообещай Малах, новоиспеченным своим сотрудникам, ими обеспечить прямо на месте.

Но сейчас выходило, что лыжи остались в Москве совершенно правильно. Сергей увидел, что

теперь их просто некуда было бы засунуть.

Полупустой в аэропорту багажник, на этот раз оказался забитым с основательностью, достойной всяческого уважения к укладчикам сего, немереного груза.

Сейчас, на исходе ночи, в мареве предрассветной дымки, легко проникавшей через окна в салон, уже вполне можно было разглядеть даже форму упаковок, за которыми Шудаев мотался весь вечер по Минеральным Водам.

Знать, не случайно оставил тогда своих пассажиров в, далеко не самой худшей, гостинице города бороться там с вином и шашлыками...

Несмотря на довольно ранний час, скудного освещения из окон оказалось достаточным, чтобы Калуге увидел и то особенное, что он и ожидал.

Из-под кожи спортивных сумок «Адидас», торчали грубые, простроченные двойной нитью, углы брезентовых мешков. Тара, вполне узнаваемая каждому. Ведь именно в ней инкассаторы всего мира обычно возят деньги!

Выходило, что будущим туринструкторам, пусть и по их неведению, довелось на своей шкуре испытать профессию перевозчиков немалых наличных средств. Причем, безо всякой платы за пережитые риск и тревожения.

Размышления над превратностями судьбы грозили еще более затянуться и окончательно

испортить настроение. Но, на счастье, их прервало, долгожданное появление Шудаева.

Громко хлопнув дверцей, он уверенно занял за рулём своё водительское место.

Теперь автомобилист уже ничем не напоминал прежнего строго и полностью сосредоточенного в себе начальника. Даже улыбка, каковой пять минут назад наградил капитана милиции, перешла сюда как «вымпел благодарности», к ожидавшим в «Ниссане» пассажирам.

Теперь и роли поменялись.

Уже не Нурали Исаевича нужно было взывать к диалогу, он сам, буквально, источал фонтаны красноречия, раскупоренные при виде надежной охраны из автоматчиков.

— Олег, ты спрашивал, когда доедем? — доброжелательно спросил Шудаев. — Так вот и доехали!

Лицо начальника так и лучилось доброжелательностью.

— За тем поворотом поселок! — поняв, что завладел всеобщим вниманием, кивнул он подбородком вперед, куда направлял машину.

Извинительные нотки в гортанном голосе нового начальника, подействовали даже на Банникова вполне отрезвляюще. Теперь и он счел возможным для себя ответить тем же самым на

вежливый тон собеседника.

— Тогда, первым делом — в лавку! — шутивным тонким «козлетоном», противно и нараспев, донеслось с заднего сидения.

За поддержкой дело не встало.

— И у меня, после вчерашнего щедрого местного вина, товарищи дорогие, голова, прямо-таки раскалывается, можете послушать — уже трещит по швам! — жалобно донеслось от Елеева.

Виктор, судя по всему, говорил сущую правду.

— Иначе, — подумал Сергей. — Почему это и ему, следом за, Геннадием Куксиным, расхотелось терпеливо скрывать, как было прежде, наступившее расстройство организма.

Противодействия таким речам не последовало. Потому, ещё более осмелев, он увереннее поддержал предыдущего оратора:

— Хорошо бы прямо сейчас или немного погодя, чем-нибудь натурально-виноградным остудить «колосники».

Шутливая разрядка обстановки подействовала на всех. Поступила реплика, устроившая всех без исключения:

— Вино — дело благородное.

Но, кому нравится попадья, а кому — свиной хрящик.

Не было пророка и в их дружном экипаже внедорожника «Ниссан». Потому что нашелся человек, готовый романтику служения Бахусу превратить в самое банальное и обычное обжорство.

— Да, только и после прошлых шашлыков желудок, ждет, не дожидается новой порции, — как будто без конкретного адреса, в подражание просителю подаяний, снова бесцеремонно донеслось с места, где до этого, на зависть остальным, всю дорогу безмятежно дремал Виктор Елеев.

Видно, его сон давно дал глубокую трещину, а теперь только и ждал момента, чтобы рассыпаться, как пазлы, на отдельные составляющие, в виде избитых шуток и острот.

Однако оказалось так, что к немалому удивлению самого шутника, природа смешного на Кавказе, от чего-то, имеет совсем иные корни, нежели в Москве.

Начальник словно забыл о таком понятии, как субординация и, вместо того, чтобы тоже посмеяться над их грешными запросами, сам начал потакать низменным страстям своих вновьприбывших подчиненных:

— Все будет, и вино и шашлыки!

Управление машиной не мешало ему говорить твердо и с явным достоинством хозяина местной

жизни.

— И еще много других полезных вещей, — всерьез воспринял Шудаев плотоядные претензии чревоугодников.

Уже давно он объехал, загораживавший им путь, милицейский «УАЗ». И теперь двигался дальше, со скоростью, не очень высокой для иномарки, позволившей новоявленному милицейскому конвою прицепиться следом.

Так, мини-колонной из двух вездеходов они теперь и двигались по, лично Шудаевым указанному Олегу и другим, направлению.

Не меняясь местами — впереди своеобразного тандема из двух машин, под присмотром, скрытых лишь жестяною облицовкою «УАЗика», автоматчиков, они и въехали в горный поселок. Благополучно доставив на место службы будущих покорителей местных снежных трасс.

...Повсеместно закатанные в асфальт центральные улицы и обилие на них светлых по — городскому, блочных двухэтажных домов, напоминали о былой славе здешней Всесоюзной «Мекки» альпинистов и горнолыжников.

Даже ресторан, куда, завез своих гостей Шудаев, хоть сию же минуту был готов обслуживать любого интуриста.

Все вокруг в центральном зале, где кроме их пятерых, никого не оказалось в этот утренний час,

сверкало чистотой и свежей краской.

И покрытая искусственной патиной, медь, стилизованных под старину, чеканных украшений на колоннах, вселяла дополнительный колорит традиционного гостеприимства в этот очаг махрового представительства.

До сих пор, на удивление новым гостям, не сдавшего свои позиции социалистического общепита.

— Этак, парни, я готов каждый день начинать и заканчивать! — дурашливо всплеснул руками балагур Елеев.

Его настроение поднялось ещё больше, когда пара, быстрых как тени, официантов в одно мгновение уставила широкий дубовый стол первосортными яствами.

Причём, каждое из блюд, щедро заказанных Нурали Исаевичем, радовало глаз своим видом и дурманило обоняние необычными ароматами, изрядно проголодавшихся в дороге, сотрапезников.

И с вином Шудаев не обманул.

Источник, к которому приложились его, новоприобретенные, друзья, долго им казался неиссякаемым. Однако, сам хлебосол, после дюжины, опорожненных его гостями, бутылок местного — сухого вина, решил дать конец вольнице.

Поднявшись из-за стола, он, непререкаемым

тоном твердо поставил точный и окончательный диагноз их отношениям:

— На этом все!

Гомон за столом разом затих.

— Торжественный банкет по поводу прибытия будущих инструкторов окончен, — заявил недавний хлебосол. — Теперь вас всех ждет впереди еще одна дорога — на туристский комплекс.

Он по очереди обвел всех взором, не сулящим ничего хорошего:

— И там, парень...

Шудаев очень холодно и строго глянул в возмущенные глаза Елеева. Да, так, что тот, разом протрезвел от этого, и стал, как стеклышко:

— На месте сами себе райскую жизнь налаживать будите!

Он и далее не утратил строгости. Внимательно и оценивающе обвел слушателей своим пронзительным взглядом.

— Одно беру на себя — завоз продуктов, инструмента и стройматериалов, — Шудаев ненавязчиво превратил, таким образом, нарушившуюся попойку в производственное совещание. — «Остальные карты» сдавайте себе сами.

И примирительно добавил:

— Наверное, московские господа, не забыли

своими похмельными головами о главной цели визита?!

Вот таким образом, исключительно щедро на сюрпризы, начавшееся пребывание в поселке, не менее неожиданно и закончилось.

Вновь предстояли сборы в дорогу, только, на этот раз ехать дальше пришлось уже не по-барски, как прежде чувствовали себя инструкторы.

Не в салоне комфортабельной иномарки, а в ее реальной противоположности.

В дощатом кузове, пусть и разбитого за годы эксплуатации в пух и прах, но не потерявшего, впрочем, своей высокой проходимости автомобиля-грузовика «ГАЗ-66», хорошо знакомого всем, кто служил в рядах Вооружённых Сил, по меткому солдатскому прозвищу «Шишига».

Но и такой транспорт, не особенно смутил пассажиров.

Сытые и щедрыми угощениями, и переменной настроенности своего нового хозяина, действующие сторожа-строители, (а в обозримом будущем, возможно и инструкторы горнолыжной подготовки), запросто побросали в грузовик свои вещи.

Затем, с той спортивной легкостью, которую только позволяли им крайне переполненные желудки, пассажиры запрыгнули следом.

Сам Шудаев, предоставив четверку заботам

водителя грузовика, тут же укатил по своим делам. Так что, некому было поинтересоваться их дальнейшим убытием в горы, которые, черно-белой грядой из скал, снега и льда нависали над поселком.

И все же зря Нурали Исаевич недооценил щедрое угощение, без излишней скромности отведенное, инструкторами, отправляющимися на работу в туристский комплекс.

Оно, помноженное на техническое убожество когда-то, давным-давно, списанного с армейского оснащения, грузовичка «ГАЗ-66», сыграло злую шутку с одним из недавних бражников — Геннадием Куксиным, потерявшим бдительность в кузове «Шишиги».

Из всех четырех кандидатов в охранники «Виадука», он менее всего подходил для этой серьезной роли. Уже потому, что обладал не только легкой флегматичностью натуры и отменным аппетитом, но и жаждой ко всему, что крепче воды.

Проявленные во всей красе за ресторанным столиком, эти неукротимые пороки Генкиной натуры сказались очень скоро — при первой же крутой кочке, встретившейся на пути их машины при выезде из поселка. Чтобы не упасть на дно кузова вездехода, Куксин неудачно ухватился за борт.

И, тут же, взвыл от боли.

Кричать он имел право и громче, если бы этим

мог помочь своим пальцам, угодившим в «клещи» скобы крепления бортов «Шишиги».

Кровь, брызнувшая из рваной раны, напугала и его, и тех кто, соседствуя с пострадавшим, сами едва избежали той же участи.

Шум в кузове, а затем — зрелище изуродованной руки пассажира, заставило водителя поменять ближайшие планы.

Даже официальные задачи, утвержденные и одобренные, всевластным в родных местах, Шудаевым для его шофера, разумеется, ни коем образом, не могли учитывать подобного варианта развития событий:

— Все же, как ни говори, а в случившемся на дороге была изрядная доля вины и «человека Нурали Исаевича», проявившего лихачество при управлении грузовиком.

Потому, не вступая в пререкания, тот круто развернул «Шишигу» и погнал её обратно — в поселковую больницу. Где пострадавшему Куксину, как и накануне в ресторане, тоже не отказали в традиционном кавказском гостеприимстве.

Фельдшерница быстро обработала травмированные пальцы, а заодно и «вкатила» в руку пациента солидную инъекцию противостолбнячной сыворотки.

Однако, на этом мучения любителя излишеств

и расслабления за, накрытым «на халяву», столом ресторана, вовсе не закончились.

И тут уже никто не был виноват.

Ведь, лечить его собрались, согласно существующей современной медицинской методике. Это по ней следовало еще раз повторить, весьма при этом болезненную, профилактическую — противостолбнячную процедуру.

Чтобы поддержать пострадавшего товарища в пятнадцатиминутном ожидании тем нового укола, рядом с, удрученным стечением обстоятельств, Геннадием остался лишь Сергей.

И он не упустил предоставленной случаем возможности разнообразно «покрыть» зазевавшегося приятеля, на чем свет стоит:

— Все — твоё, Генка, увлечение вином! — с укором заявил Калуга. — Ни в чем меры не знаешь.

Он не устоял, чтобы не обвинить раненого в ещё одном его «смертном грехе».

— Сейчас бы, наверное, мы уже были наверху у туркомплекса, да на ледники любовались, — сделалась чрезмерно сварливой речь Сергея. — А тут всё и удовольствие, что смотреть, как тебя пользуют.

Остальные, чтобы не слышать упреки одного и ответные стенания другого, вышли еще дальше в больничный двор.

В полуденную пору там было пусто.

Потому никто не мешал покомарить, усевшимся в тени машины, приедем. Выходило, что и впрямь, что нет такого худа, которое бы не обошлось без добра. Ведь, в процедурном кабинете поликлиники, чем стало меньше сопровождающих, тем нравоучительнее звучали педагогически-назидательные откровения Калуги:

— А им, остальным, ни в чем не виноватым, да еще и пострадавшим морально из-за задержки выезда на место, выходит, сам Бог велел прихватить пару часов послеобеденного сна.

Ругаться самим на Кукурина двум другим участникам экспедиции Банникову с Елеевым не хотелось, дабы к этим неприятностям не получить еще и изжогу с острой ресторанной пищи.

— К тому же, — понимали оба. — Не следует перебирать с критикой даже в таком щекотливом вопросе, как травма при исполнении служебных обязанностей.

— Нету пальчика, пропал, не в ту дырку он попал! — в соавторстве с детской поэтессой Агнией Барто, срифмовал по случаю, самодеятельный пиит Виктор Елеев.

Но, даже эти его — самые безобидные стихотворные строчки из, многих уже высказанных по случаю Кукуриной промашки, не способствовали повышению морального духа их товарища.

Однако, Витька перед уходом из процедурного кабинета, все же не утерпел от последнего аккорда, также не очень поднявшего настроение пострадавшего.

И этот, новый настойчивый совет все того же, многоопытного в подобных делах, ценителя санитарно просветительских стишков, не только одному ему показались шедевром:

— При анализе крови, девушка обязательно определите — не все ли её наличие в венах Генка успел заменить дармовым ресторанным винцом?

Ранбольной, хотя обычно и не отличался особым пристрастием к площадной брани, тут не утерпел. И, посланный куда подальше, главный насмешник уже не мешал Куксину, с чувством двойной обреченности, готовиться ко второму вхождению на суровую «Голгофу вакцинирования».

Вскоре, впрочем, он уже не слушал и Калугинские высказывания. Теперь причиной благородной бледности Генкиного лица становилось вынужденное созерцание им, кипевшей на электрической плитке, никелированной металлической посуды со, стерилизуемыми в ней, шприцем и иглами.

И вот тут, когда еще и глаза затянулись поволокой обреченности, нашлась-таки добрая душа заступницы.

— Эй, герой, как бы тебе еще хуже не стало! — запоздало спохватилась сердобольная медичка.

Протянув пациенту ватку, щедро смоченную из пузырька нашатырем, она весьма строго велела:

— На, очнись!

И не поскупилась на объяснения, смахивающие на самый обыкновенный санпросвет.

— Иначе как бы удар не хватил, — услышали посетители. — Тогда уже, точно, не обойтись без госпитализации.

Такая перспектива никого из парней устроить не могла.

— Нет, не надо! — воспротивился впечатлительный пациент. — Ещё не хватало у вас по палатам время тратить.

Он стремительно слез с кушетки.

— Я лучше немного на свежем воздухе побуду, — окончательно и бесповоротно отказался Геннадий от столь мрачной перспективы: вместо любования ледниками, стать обитателем больницы, пропахшей хлоркой и прочими антисептиками.

Быстро шагнув за дверь, он плотно закрыл её за собой.

Невольно улыбнувшись комичности развязки, пошел, было, следом и его друг, но внезапно услышал от, принимавшей их в травмпункте, фельдшерицы свое собственное имя.

— Оставайся, Сергей, хватит с него нотаций, — заявила медичка. — Один он скорее в себя придет!

Калуга при этих словах словно остолбенел, не хуже заражённого столь страшной бациллой, от которого пытались предостеречь его пострадавшего друга.

Он медленно обернулся и внимательнее прежнего оглядел совершенно незнакомую ему женщину, однако, прекрасно знавшую его собственное имени.

Худошавая, загоревшая до черноты под щедрым кавказским солнцем, она могла вполне сойти за горянку. Если бы не голубизна славянских глаз, сиявших на милом лице.

Будучи, крайне поражённым тем, что сейчас, только что, услышал собственное имя от незнакомки, Калуга не только остановился в дверях, но и вернулся оттуда на своё прежнее место у больничной кушетки.

Там, не отрывая глаз от лица фельдшера, наморщил лоб в попытке вспомнить момент знакомства.

— Все-таки не узнаешь? — уже откровенно засмеялась та. — Хотя, представляясь мне, бравым сержантом ВДВ, ты на память не жаловался.

Она, поняв, что парень на самом деле не может припомнить тот момент, когда могла

состояться встреча, по своей профессиональной привычке поставила неутешительный диагноз:

— Или молодая голова больше постороннего хранит?

Сергей еще раз, но уже более внимательно глянул на незнакомку. От него не укрылось, затаенное в уголках глаз, опасение быть не так понятой.

Однако и сам он, как ни старался, не мог сообразить того, откуда знают его на этом краю света? Где Калуге прежде еще ни разу бывать не доводилось!

Чтобы не обидеть женщину своим отказом вернуть из прошлого момент их знакомства, он виновато улыбнулся в ответ:

— Поверьте, не могу вспомнить.

— А теперь?

Фельдшерица сняла с головы свою высокую белую шапочку медички. Смело мотнула головой, рассыпая по плечам, до того собранную в один узел, золотую копну густых волос.

— Неужели забыл, как сам же мою косу расхваливал, — с прежней улыбкой напомнила она. — Или нынче другая мода больше по душе?

Тут все пришло на свои места.

— Афганистан!

— Столичный госпиталь в Кабуле! — само собой вырвалось у парня. — Санитарка, звать

Тамарка.

Брякнув, перед давней знакомой первое, попавшееся из прошлой жизни, да ещё и обидное для неё, Сергей еще более смутился.

— Пора бы, молодой человек, на гражданке забыть обидные солдатские дразнилки, к тому же и зовут меня иначе, — возразила та, кого Калуга и видел прежде один всего раз, забирая из Кабульского госпиталя вещи, умершего после операции, геолога Кузьмина. — Не ожидал?

И только теперь память вернула Сергею все — вплоть до боли за друга. Но и теперь смущение не покинуло бывшего воина-интернационалиста.

— Откуда? — искренне вырвалось у парня. — Даже не предполагал, что можете оказаться здесь, в горах, на краю света!

Он уже окончательно передумал уходить из процедурного кабинета следом за раненым «Шишигой» приятелями. И даже присел на стул, на котором, только что, страдальчески принимал свой укол в предплечье Куксин.

— Вот так неожиданная и приятная встреча! — восхитился он. — Ну, а как же все-таки Вас зовут?

Та с явным облегчением от того, что её откровенность Калугой правильно понята, улыбнулась:

— Наталья Сергеевна!

Затем после официального представления добавила:

— Можно просто по имени — Наташа.

...Не радоваться бы Калуге от того, что именно здесь, «у черта на куличках», нашелся человек, причастный к самой сокровенной, сейчас, тайне его жизни. Да еще оформленной и скрепленной официальной распиской о неразглашении кому-либо сведений государственной важности.

А вот, поди, же, ты? Теплая волна памяти о прошлом подкатила к сердцу. Заставила его учащенное гнать по жилам адреналин.

Но, как, ни волновался от встречи, Сергей, это вовсе не помешало ему догадаться о том, что подобные, же противоречивые чувства не меньше его переполняют и саму Наташу, носившую теперь фамилию Гамаева, а не Ковалева, как прежде.

Именно так «Гамаева» было вышито черными нитками по верхнему краю карманчика на груди белого фельдшерского халата.

Глава третья

Их первая и последняя встреча под Афганским небом не могла, не запомнится на всю жизнь обоим. Очень уж нерадостным оказался тогда у Натальи Ковалёвой повод вызвать сержанта

ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан, замкомвзвода спецназа ВДВ Сергея Калугу к ней, в столичный Центральный госпиталь Кабула.

Там, во время операции по извлечению пули из брюшной полости, скончался, довольно редкий, в подобном учреждении «гражданский» пациент — геолог Кузьмин.

Исход, конечно, мог быть другим, не потеряй столько времени в пути те, кто доставлял в Кабул раненого, считали врачи.

Да и сам же он, будто почувствовал, что не подняться ему больше с этой госпитальной кровати.

И, пока еще был в сознании, к первой же, увиденной им, во время редкого возвращения в сознание, фельдшернице приемного покоя обратился с необычной просьбой:

— Передай боевому другу кое-что из личных вещей!

В другой раз, может быть, Наталья Ковалева, ни за что бы, не решилась — взять из рюкзака, что прилетел на «вертушке» вместе с геологом, небольшой сверток.

Но тут не устояла перед волей умирающего молодого мужчины. Хотя, уже вскоре раскаялась в том нарушении служебной инструкции.

Еще и тело Кузьмина не унесли в морг, чтобы запаять в цинковый гроб в виде «груза 200», как в

госпиталь понаехали сотрудники особого отдела. Они изъяли абсолютно все, что могло иметь отношение к геологу.

— Возвращать им тогда сверток было уже абсолютным безрассудством, — понимала Наталья Ковалёва. — Пойди потом, докажи, как, и с какой целью оказался тот в руках фельдшера приемного отделения?

Правда, сам житейский опыт подсказывал ей вариант — просто выбросить взятое из рюкзака геолога подальше и дело с концом:

— Ни к чему лишние служебные проблемы, когда считанные дни остались до возвращения в «Союз». В след за выводимыми войсками ограниченного контингента!

К подобному шагу подталкивали и другие обстоятельства.

В госпитале шепотком разговоры дошли, мол, неспроста гражданский командированный «из Союза» под пулю угодил! Какое-то совершенно «темное дело» связывало того с бесцеремонными офицерами контрразведки.

Те же «шерстили» на опросах всех, не взирая, ни на какие должности. Вели разговор с каждым, кто имел отношение к парню, умершему под ножом хирурга.

— Им я тогда не стала и о тебе упоминать, чтобы не придрались — сказала, завершая рассказ о

той Афганской зиме 1989 года, фельдшер поселковой поликлиники на Кавказе. — И о посылке промолчала тоже!

Сергей благодарно глянул ей в глаза. Но и рта он раскрыть не успел, как новым, ещё более глубоким откровением поделилась та с давним знакомым, только теперь — по истечении долгих лет:

— И все же вовсе не жалею, что волю умиравшего свято исполнила.

Последней фразой стали слова:

— Не могла иначе.

...Непросто сложился их теперешний — откровенный разговор в поликлинике поселка, о существовании которого оба даже и не подозревали кабульским февралем 1989 года — перед самым уходом «шурави» из Афганистана.

Встретившись теперь — столько лет спустя, хотя и огорчились, вспомнив погибшего друга, но не могли не порадоваться неожиданности самой встречи.

Да и вопрос Натальи — насчет недосказанности той, давней истории требовал какого-то объяснения.

Потому Калуга, чтобы и сейчас обойти стороной тот странный интерес особистов Штаба армии ко всему, что казалось причастным к операции по захвату душманского рубинового

рудника, постарался перевести разговор в другое русло.

Для этого ему пришлось словно мимо ушей пропустить сказанное женщиной. Зато живой отклик получили у Сергея обстоятельства её личной жизни.

— А ведь тогда фамилия у тебя, Наташа, была тогда другая, — заметил Калуга. — Кажется...

Он попытался ее вспомнить, уже безо всякой рисовки и вполне искренне. Снова наморщил лоб, припоминая текст записки, которая вызвала его в Кабульский госпиталь и заставила искать там, неизвестную до той поры, фельдшерицу.

И эта лихорадочная работа «клеточек серого мозгового вещества» не могла не увенчаться успехом:

— Ковалёва.

И он воскликнул:

— Точно — Ковалева!

После чего сам себе объяснил перемены:

— Наверное, по мужу ты теперь стала Гамаевой?

Ответить ему собеседница не успела.

Со скрипом отворилась дверь процедурного кабинета и в тёмном проеме бледным пятном показалась страдальческая физиономия Геннадия Куксина.

Раненый, за те минуты, что отсутствовал,

выйдя на свежий воздух, не только отважился вернуться к месту «получения уколов». Но ещё и обрёл собственное мнение.

Его голос, окрепший за минуты коридорного одиночества, звучал бодрее. Вполне подтверждая старую истину о том, что время — лучший лекарь!

— Вы тут, Сергей, случайно уж не ампутировать ли мне руку подговариваетесь? — спросил он.

В голосе не было и намёка на шутку:

— А то знаю таких друзей — ради того чтобы попрактиковаться в медицине, никого не пожалеют.

Куксин, перевёл взгляд с приятеля на красивую незнакомую фельдшерицу.

— Так вот, не надейтесь на успех, — сурово и уверенно заявил он. — Так и знайте, что под нож не дамся.

Фельдшер Гамаева, однако, не поддержала, ни этот Куксинский сарказм, ни очень своеобразное чувства юмора приезжего москвича.

— Сначала сделаем, Вам, больной, еще один укольчик, — своим грудным приятным голосом, но звучащим вполне официально, успокоила она больного. — А там, в ходе наблюдения, посмотрим, чем дополнительно помочь.

Строгий тон медички и решительный жест её руки в направлении включенной электрической плитки, на которой деловито кипятились шприцы и

иглы, не только Куксину, но и Калуге вдруг напомнили об истинной цели их прихода в поселковую больницу.

Пора было прощаться с, неожиданно объявившейся, знакомой.

— Еще встретимся, надеюсь, тогда и договорим, — сказал Сергей, уступая законное место у стола травмированному другу. — Мы тут совсем неподалеку будем работать — на туристском комплексе.

Куксин, стараясь задобрить медичку, встрял в их разговор:

— Пора возрождать его к мирной жизни.

Добавить к сказанному было просто нечего. Уже со своего места у дверей процедурного кабинета, Сергей сумел во всех подробностях увидеть, как умелые пальцы Наташи взяли шприц и ввели в руку пострадавшего Куксина последнюю дозу противостолбнячной сыворотки.

После процедуры он вернулся к кушетке и бесцеремонно вытолкнул с неё Генку перед собою в коридор:

— Чтобы не докучал занятым медработникам!

За всем этим, успел еще и на прощание пожелал всего наилучшего и мужу Гамаевой, и ее детям.

— Ведь они, наверняка должны быть у такой красивой женщины, — вполне резонно рассуждал

тогда Калуга.

— До встречи! — машинально ответила та.

Когда же остались в своем процедурном кабинете одна, то с рыданиями уткнулась в скрещенные на столе руки.

...Но всего этого уже не видели её недавние посетители.

Посигналив напоследок больничному двору протяжным гудком, вездеход «Шишига» с московскими гостями вновь направился по прежнему пути из поселка.

С настойчивостью, делавшей честь упорству водителя, выполнявшего данный ему приказ, их «Шишига» — «ГАЗ-66» вновь на приличной скорости оказался на знакомом повороте. Там, где еще недавно едва не лишил руки одного из четверых пассажиров, сидящих в разболтанном, дощатом кузове.

Только теперь злосчастную колдобину преодолели вполне благополучно. И можно было поверить в лучшее, если бы не горестные раздумья, охватившие после посещения поликлиники Сергея.

Перемену настроения у Калуги заметили все, кроме Банникова. Да и то лишь потому, что по праву старшего, тот все так же, как м в начале пути, комфортно восседал сейчас в кабине вездехода.

Зато, долго ждавшая своего часа потрепаться на эту, вполне для этого благодатную, «лирическую

тему», «поэтическая натура» не выдержала первой:

— Что, кручинишься, герой? Может, хочется домой! — нараспев, стараясь, однако, не прикусить собственный язык на особо внушительных дорожных выбоинах, спросил Виктор Елеев.

Но право на законный интерес в ту минуту было оспорено со всей решительностью другим конкурентом на знание истины:

— Не задевай лучше, — остановил его недавний пациент поселковой больницы. — Не то совсем замкнется в себе.

Куксин, совсем забыв о собственных страданиях, просветил приятеля на счёт чужих душевных мук.

— Кто тогда расскажет, откуда у него здесь завелась старая знакомая? — крайне заинтриговал товарища Геннадий.

Отказавшись поменяться местами с, сидевшим в кабине, Олегом, сейчас одной рукой он держался за борт, а другую, перевязанную, пропитавшимся кровью, бинтом, держал перед собой на весу. Напоминая своим героическим видом боевого красного командира, увлекающего бойцов на бой, сидя в лихой, революционной тачанке.

Казалось, он уже и о своей боли забыл. Настолько хотелось ему узнать:

— О чем же, в его отсутствии беседовал

Калуга с такой красивой и молодой женщиной из поселковой больницы?

Одному лишь объекту зависти закадычных друзей-приятелей было вовсе не до трепа и развенчивания их тонких намеков о возможных амурных похождениях в прошлом или будущем.

— Замнем для ясности! — только и вымолвил Сергей безучастно, глядя поверх кабины — вперед на дорогу.

Полотно битого асфальта тем временем уходило все выше и выше в горы. С каждым поворотом извилистого серпантина, увлекая их к седым снежным шапкам гор, уже заманчиво открывшимся в прогалах между густыми зарослями кустарника и кронами деревьев.

Красота окрестностей подсластила горькую пилюлю явной Калугинской неразговорчивости.

К тому же Сергею действительно было сейчас не до разговоров. Очень беспокоила душу неясная тревога от перспектив неожиданной встречи с давней знакомой.

Но больше всего томила его нахлынувшая горечь от, не самых лучших в его жизни, воспоминаний.

...Смерть в Афганистане геолога Виктора Кузьмина до сих пор он относил на собственный просчет. В сердцах Сергей Калуга именно себя укорял в том, что позволил «гражданскому»

расслабиться:

— Ведь, не сними тогда Кузьмин с себя бронезилет в пассажирской кабине, возвращавшегося с задания вертолета, как знать, чем могла закончиться история предательства Рахназара и его агента Хафизруллы?

Всего несколько, стремительно пролетевших как на киноплёнке, дней вместили тогда слишком многое.

— Гораздо больше, чем можно было требовать от людей, участвовавших в операции по захвату рубиновых копей в ущелье Сары-Бут, — понимает Калуга. — Но ничего со своим самобичеванием поделаться не может.

На долю геолога Кузьмина тогда, в Афганистане выпала трудная задача — за считанные часы пребывания в высокогорной пещере составить подробную геологическую схему рудной жилы.

Причем, должен был успеть с этим прежде, чем взрыв навсегда уничтожит древнюю горную выработку.

Как мог, помогал тогда в работе горному инженеру его личный телохранитель — сержант Калуга.

И вот надо же такому случиться, сурово казнится он с тех самых пор, не находя себе никаких оправданий, опростоволосился, как

мальчишка, когда все уже, казалось бы, оставалось позади.

...Вертолет Ка-32, забравший груз еще не обработанных драгоценных камней, а еще, вдобавок к десантникам — двух афганцев из республиканской спецслужбы, летел обратно по маршруту возвращения к военной базе в Файзабаде.

Изрядная высота, набранная суперсовременной винтокрылой машиной, усталость после трудной работы в пещере рубинового рудника и одновременно чувство радости от хорошо выполненного задания, переполнявшие ребят, сослужили им тогда плохую службу.

Скинув с себя надоевшие бронежилеты, спецназовцы стали хорошей мишенью для прозвучавших предательских выстрелов Рахнавара.

Высокопоставленный палач из службы безопасности ХАД, переметнувшийся на сторону бывших врагов — моджахедов, не промахнулся, практически ни разу.

Лишь, вернувшееся, пусть и с запозданием, к Калуге его самообладание, хитрость и выучка сорвали захват вертолета.

Однако не удалось избежать гибели людей.

В том числе, от ран на операционном столе умер человек, чья охрана возлагалась именно на Сергея лично командиром бригады спецназа

полковником Никифоровым.

...Вот эту историю, поясняя строгости особистов в госпитале, мог бы рассказать он при, только что произошедшей в больнице новой встрече с бывшим военным фельдшером. С Наташей Ковалевой, когда-то передавшей Калуге последний привет от друга, а теперь вот — замужней женщиной, носящей иную фамилию — Гамаева.

Объяснения могли быть. Да только зачем? И дело вовсе не в подписке, данной сержантом Калугой, как и всеми остальными, побывавшими в том «полете обреченных», о неразглашении особо важной государственной тайны, взятой тогда со всех, уцелевших в операции по захвату душманской пещеры с рубинами.

Сама, не ведая того, фельдшер поселковой больницы коснулась, до сих пор не зажившей раны в душе бывшего сержанта.

...Борение ли чувств на сосредоточенном лице друга, или появившиеся вскоре перед ними долгожданные строения туристского комплекса, повлияли на остальных.

Только о его странной встрече в поселковой больнице с прекрасной незнакомкой, оказавшейся очень даже в приятельских отношениях с Сергеем, никто из них до конца дня уже не вспоминал.

К тому же стало просто не до того — в суете

навалившихся проблем по устройству на новом месте.

...Туристский комплекс и действительно смог очаровать, людей, вновь туда прибывших.

Особенно, когда на очередном изгибе дорожного серпантина, плотно подступавшие к разбитому асфальту, сосны внезапно расступились. И перед взором путников предстали строения, должны носить с недавних пор название нового горнолыжного чуда.

Хотя сегодня, понимали все, знаменитый некогда «Виадук» выглядел не самым лучшим образом.

В центре, когда-то отвоеванной у ущелья, территории — на обширной террасе над берегом, неширокой, но бурной речки, возвышалась серая бетонная махина гостиница.

Сегодня, бесстыдно зияя черными провалами оконных проемов, она словно взывала к милосердию и помощи.

Дополняли, тяжкую для глаз, картину полного развала и не один год царившего запустения, обрушенные кое-где на этажах перила лоджий. И гнутый алюминиевый каркас, некогда, красовавшийся витражами, а ныне разбитый, в пух и прах, входа, вовсе не торопил гостей проследовать по выщербленным мраморным ступеням в мрачный холл гостиницы.

Не лучше выглядели и немногочисленные хозяйственные постройки бывшей «Мекки» союзных альпинистов и горнолыжников.

Одна лишь котельная, будто святой оазис в пустыне, совсем не подвергалась нашествию вандалов. В других местах выдиравшие «с мясом» все и вся, включая двери с косяками и остекление — вместе с рамами, сюда наведаться они явно забыли.

Однако за них славно успели поработать дожди и ветра с гор.

Целыми окаменевшими пластами порывы стихии ободрали со стен штукатурку, бесстыдно обнажив краснокирпичный остов кладки. К тому же водяные струи с покатой крыши, за последние годы заметно разъели углы фундамента.

Но это уже казалось сущим пустяком на общем фоне разрухи, образовавшемся от того, что, как называется, «хорошо поработали» на объекте и самые банальные расхитители.

— А я все думаю, кто сподобился так разбить трассу, если столько лет база стояла на крепком замке? — не удержался от комментария ситуации Геннадий Куксин.

Ему, с его раной на руке, особенно ненавистной была дорожная тряска:

— Наверное, тягачами, да «КАМЗами» добро вывозили?

Теперь, когда их грузовичок добрался, наконец, до финиша буерачного автомобильного слалома и «Шишига» смиренно встала на площадке в былые, лучшие времена предназначенной для автобусов, можно было и поговорить о пережитом.

Посудачить, как мечтал и Куксин, не опасаясь прикусить язык на очередной рытвине или занозить руку, держась за колючие доски ободранных бортов их «ГАЗ-66».

— Станция «Насмеши» — вылезай и не грехи! — громко перебил обидные куксинские умозаключения, отчего-то теперь — бравый, как никогда, Виктор Елеев.

Хмель из его головы уже выветрился.

И все же на свежем воздухе срочно потребовалось иное занятие для, накаченных адреналином, мышц его тренированного тела. Физический труд, а не простое «чесание языком». Пусть даже и по такому, вполне актуальному и злободневному поводу. Каким было их, благополучно завершившееся наконец-то, путешествие.

— Достойное, даже, того, — по общему мнению инструкторов. — Чтобы, отныне и навсегда, носить гордое наименование: «От Москвы, до самых, до окраин».

Не ожидая, когда водитель откроет задний борт «Шишиги», нетерпеливый, как всегда, Виктор

первым прыгнул на серый асфальт автостоянки.

Затем, стараясь казаться лучше, чем он есть, добровольно, без всякого понукания со стороны старших товарищей, снизу протянул руки для приема объемистых сумок их багажа.

Серьёзно травмированный в дороге, Геннадий Куксин мог при этом особо не волноваться, насчет хлопот по процедуре новоселья.

Со своей, обмотанной бинтом, рукой в этом деле он, явно, был другим, если уж не в тягость, то однозначно — не помощник.

От того Сергей Калуга в одиночку взялся сбрасывать вниз, один за другим, «сиротские сидоры» всей, как он сказал, гоп-компании.

И еще пару совершенно нелестных слов адресовал недовольный остряк именно поклаже.

И было за что! Таких тяжеленных и объемистых емкостей, вне всякого сомнения, еще не знавали здешние места. На веки, пожалуй, отставшие от жизни и её нововведений в виде «челночной коммерции» из огромных сумок, для доставляемого со всего света, товара.

Пока другие устроили «сумочный конвейер» из кузова на площадку у машины, не остался в стороне и недавний пациент поселковой больницы. Ведь, мешавшая работать физически, рана, тем не менее, не сделала Генку абсолютным инвалидом — без слуха, зрения и голоса.

— Эй ты, амбал, работаешь не на сдельщине, мог бы и осторожнее! — схватив Сергея за рукав кожанки здоровой рукой, он пресек, излишнее, по его мнению, рвение участников конвейерного потока разгрузки.

Испуг за собственные вещи, так явно читался на его лице, что Виктор, наблюдавший снизу факт скопидомства, тут же отозвался, соответствующими ситуации, стихотворными виршами:

— Генкину кладь, да помягче гладь!

— Сам ты кладь! — внес ясность Куксин. — У меня там кое-какой припас с ресторанного пиршества.

Он значительно обвёл всех хитрым взором:

— Побьете бутылки — пеняйте на себя...

Тут и водитель, до поры сосредоточенно гремевший железом, справился с гнутыми уключинами борта «Шишиги». Открыл его и позволил «однорукому» пассажиру благополучно на этот раз сойти с транспортного средства.

Общение автомобилиста с, сидевшим всю дорогу в кабине, Олегом Банниковым, не ограничивалось, видимо, лишь шоферскими комментариями по поводу окружавших горный серпантин пейзажей. Так как самый уважаемый его, что называется, VIP-пассажир, подхватив свою сумку за длинный и широкий капроновый заплочный ремень, без лишних расспросов

поступил как настоящий герой-летчик прошлой войны.

Всем своим видом, выражая команду — Делай как я! — он уверенно зашагал по дорожке, ведущей к единственному, обитаемому теперь в ущелье, строению. К той самой обыкновенной котельной, чудесным образом уцелевшей от набегов грабителей и мародеров.

Москвичи уже подходили к, покрытым сажей и копотью, деревьям, когда сзади раздался рык мотора «Шишиги». Следом за ним, до, ставших пешеходами, москвичей донесся и суетливый лязг железных составляющих грузовика ГАЗ-66, пустившегося в обратный путь по привычным для него, частым колдобинам.

Так что, теперь оставалось только предполагать о сроке возвращения разбитой машины, для которой местное бездорожье, давно, стало роднее любого городского проспекта.

Избавленные бесцеремонностью шофера от сцены прощания с ним, будущие инструкторы сразу перешли к знакомству со своим будущим жильем. Всех приехавших очень порадовало, что внутри котельной их, как новых обитателей ждал вполне сносный комфорт.

Особенно он поразил, после ожиданий увидеть нечто подобное разгромленному корпусу гостиницы.

Чисто подметенным и вообще, старательно ухоженным был даже бетонный пол у недолгого ряда топок нескольких водогрейных котлов. А еще и совершенно свежая, на взгляд инструкторов, смазка не обошла стороной дизель-генератор, солидно стоявший в конце обширного помещения.

Все это, однако, имело и обратную сторону.

Наведя на смутные подозрения относительно сохранности, доверенного их присмотру, объекта.

Стало абсолютно ясно:

— Не таким-то уж совсем бесхозным, и заброшенным был все эти годы, горнолыжный комплекс!

— Вот и особое место для отдыха и проживания персонала! — указал Банников остальным, открывая перед друзьями дверь в подсобку.

Там имелись довольно длинный и устойчивый стол и рядом с ним, вдоль стен, бывшие хозяева разместили несколько деревянных лежаков, покрытых сейчас, довольно чистой, кошмой.

Все здесь было именно так, как должно было быть. О чём узнал от шофёра Банников, как старший в группе инструкторов.

И сделал это еще по пути до объекта, успев осмыслить информацию местного жителя.

...Водитель, правда, был не очень разговорчивым.

Олег вначале объяснял это для себя тем, что мешало тому постоянное лавирование между выбоинами трассы. Но по пути из поселка до места назначения, буквально в несколько фраз, уместил их местный «Сусанин» для Банникова всю информацию, касающуюся их предстоящего существования на туристском комплексе.

Именно его слова подвигли старшего четверки москвичей, еще в дороге, на широкомасштабные обобщения. С итогом оных теперь, после заселения, следовало незамедлительно познакомить остальных участников проекта.

...Бывший директор государственного туристического комплекса и он же — нынешний управляющий, приватизированного финансовым столичным консорциумом «Виадук», заброшенного объекта, Нурали Исаевич Шудаев совсем не терял времени даром, пока в Москве шли только разговоры:

— Кому достанется лакомый кусочек у подножья здешних вершин?

Строго следуя полученным из Центра инструкциям, он и его люди сумели в короткий срок демонтировать и отправить на хранение в надежные места все, что можно было, не разрушая, снять и увезти до лучших времен.

— А ту полную запущенность, что осталось, и

предстала перед нами, в конце концов, сняли на пленку, чтобы выставить в качестве лота на приватизационном аукционе, — закончил Олег.

Все остальное не требовало комментариев.

Теперь, когда дело сделано и покупка состоялась, оставалось лишь вернуть все назад, как было. Для чего следовало немного подсыпать щебня, кое-где заасфальтировать дорогу и потянется на свое прежнее место добро. Только уже с новыми ценниками для налоговых органов, мол, куплено на стороне и втридорога.

Сообщение, хотя и было несколько неожиданным, вселило больше радости в души будущих инструкторов горнолыжной подготовки, чем, праведного гнева по поводу прохиндейской операции собственных хозяев.

— Выходило, — по их мнению. — Не так уж и долго придется им быть в качестве официальных сторожей, заменяя тех, что обитали здесь ранее. И уже к осени можно будет выйти на склоны горы в новом качестве

...За всеми заботами — от ночной езды в роли вынужденных инкассаторов, до поселения в котельной, они как-то упустили из виду момент, когда на смену теплого солнечного, весеннего дня, наступил холодный вечер.

Напоенный свежим, морозным дыханием с ледника и ветром гор, за которыми скрылась

солнце, он не заставил себя ждать.

Похолодало.

Потому, с наступлением вечера, пора было подумать о предстоящем ночлеге. И не только. Прежде всего, о том, что могли себе позволить их предшественники, и от чего не следует отказываться им, как наследникам славного прошлого.

Краткая ревизия, проведенная на месте, сразу выявила полную заправку емкостей для горючего.

— Причем, солярки к дизелю генератору и мазута, на котором обслуживались котлы, — по оптимистичному заключению Олега Банникова. — Оказалось в достатке чуть ли на целый отопительный сезон.

В кладовой на стеллажах, недоступных вездесущим грызунам, имелось несколько ящиков сухарей. Были они, в качестве существенной добавки, на радость едокам, к штабелю банок рыбных и мясных консервов. И тем более хватало — соли и сахара.

А уж набору различных специй не могли бы не порадоваться души и более завзятых чревоугодников и гастрономов, чем эта четверка молодых и достаточно непривередливых в еде, спортсменов-горнолыжников.

Когда, запущенный в работу, дизель помог генератору дать свет, парни принялись за ужин. В

ходе его, достаточно быстро, исчезло, как испарилось, виноградное вино, местного разлива, прихваченное из поселкового ресторана, вечно экономным и запасливым, Геннадием Куксиным.

Выцедив последнюю каплю из своего стакана, он мрачно констатировал наступление новой эры:

— Ну, все!

И тоном собственного адвоката, убеждавшего суд поверить подсудимому, попытался очистить совесть новоявленного трезвенника.

— Теперь, как и велел хозяин, наступил для нас с вами, пацаны, совершенно сухой закон! — прямо с ножа заедая выпивку консервированным лососем из распоротой банки, заключил Геннадий.

Тем самым добровольно предупредил возможные строгости начальства по поводу, возможных в будущем, повторений пиршества.

Его любимому занятию — закусывать сейчас не мешала даже недавняя травма, а уж о том, где можно будет в будущем отыскать бутылочку — другую, он и не думал, чтобы не расстраиваться раньше времени.

Тем более что были и другие, уже омраченные, невольным предчувствием верности собственного пророчества о провозглашении сухого закона.

Все, вместе с Банниковым понимали, что вовсе не по их доброй воле прозябание на чае

может осуществиться в реалии. И гораздо быстрее, чем захочется еще разок определить разницу между водой и вином. Пусть даже и местного разлива.

Наутро, наскоро перекусив, все четверо, включая «бюллетенившего» Куксина, занялись выполнением первоочередной задачи. Приступили, как вчера велел Шудаев и сегодня надоедливо напомнил себе и другим Олег Банников, к порученному им приготовлению жилья для будущей бригады строителей.

— Шудаев говорил, что на первых порах, пока не отделают для себя комнаты наверху в гостинице, рабочие поживут в подвале, — со знанием дела и руководящим пафосом вещал предстоящем фронте работы Олег. — Вот там и нужно, в первую очередь, прибраться по-человечески.

С чем согласились без малейших возражений.

...Освещение, как ни странно, после запуска ими дизель генератора, даже на развалинах основного корпуса функционировало исправно, а не только у них в котельной.

Так что не зря на удачу, они запустили движок и подали рубильником энергию на сеть, идущую к гостинице, похвалил сам себя и помощников, бригадир.

Сделал это, когда уже на лестнице, ведущей вниз из разрушенного холла, они увидели исправно горящие, ртутные светильники.

В пакетах, содержащих сразу по три трубки «дневного» света, лампы тянулись где — просто по стенам, где — вдоль потолка. Позволяя при этом разглядеть все вокруг до мелочей.

Многое здесь напоминало о прежней — беспокойной жизни по обслуживанию альпинистов, туристов и горнолыжников.

На панелях (там, где с бетона от времени пока не осыпалась краска), виднелись стрелки указатели в «Камеру хранения», к «Прокату лыж» и в «Спасательный отряд».

С него, отворив дверь с квадратной эмблемой — горой на фоне синего неба и надписью с красным крестом, Олег Банников и начал оценивать пригодность подвала к приему новых обитателей.

То, что, близко не нюхавшие пороха, москвичи увидели там, а затем и в других помещениях, быстро вернуло их к местным кавказским реалиям.

— Заставило почувствовать действительность, рядом идущей, войны, — как сформулировал их первый раненый на операции «Туристский комплекс» Генка Куксин.

Да и другие смогли убедиться в том, что еще недавно, возможно, лишь за несколько дней до их приезда, здесь жили люди. Из тех, кто не прячет от других факт своего пребывания, только находясь вот в таком вот — укромном подвале как этот. В